

ДЕТИ ЗМЕЙ, ДЕТИ ВОЛКОВ

СХЛЕСТНУТСЯ
В ПОЕДИНКЕ
СВЕТ И ТЬМА

ЯНИНА ВОЛКОВА

Young Adult. Инстахит. Этническое фэнтези. Дети богов

Янина Волкова

Дети змей, дети волков

«ЭКСМО»

2022

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Волкова Я.

Дети змей, дети волков / Я. Волкова — «Эксмо», 2022 — (Young Adult. Инстахит. Этническое фэнтези. Дети богов)

ISBN 978-5-04-170775-0

Финальная часть «Дети змей, дети волков» трилогии Янины Волковой. Смутные времена наступили в Чертоге Зимы. Не могут решить северяне, кому суждено стать следующим конунгом. Требуют поединок, где прольется кровь недостойного. Но возвращается домой Ренэйст Белолунная. Она проделала долгий путь, преодолев пески золотые и воды холодные, и готова занять трон. Однако не успокоятся викинги, пока не докажет наследница, что достойна титула своего. Не сравнится с Белолунной никто в бою, да только противником станет тот, в чьих жилах течет ее кровь... Борьба за власть, магия, древнее пророчество, противостояние света и тьмы – достойное завершение серии «Дети богов».

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-170775-0

© Волкова Я., 2022
© Эксмо, 2022

Содержание

Глава 1. Золотая Дорога	6
Глава 2. Мойра	18
Глава 3. В ожидании бури	29
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Янина Волкова

Дети змей, дети волков

© Волкова Я., 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

Глава 1. Золотая Дорога

Путь тянется до самого горизонта.

Они идут так долго, что думается Ренэйст, словно песок никогда не кончится. Ступать по нему в разы сложнее, чем по снегу. Тот не столь коварен, рожденные под Луной знают, что стоит от него ожидать. Песок же непредсказуем, он зыбкий и подло тянет вниз, стремится сломить, заставить преклонить колени. Песчаные курганы поднимаются едва ли не до самых небес, затмевают все, что было до, и скрывают то, что будет после. Бесконечное, удручающее зрелище.

Но небо! Она была покорена им, когда увидела впервые в таком далеком прошлом. Стоя на борту драккара, Ренэйст смотрела вверх, наблюдая за тем, как темно-синий перетекает в голубовато-зеленый, а следом – лазурное полотно, лишенное звездного блеска. О том, с каким восторгом сам солнцерожденный смотрел вверх, рассматривая, как день перетекает в ночь, не стоит и говорить. Одно только твердил, чтобы и Ренэйст смотрела, восхищался и сиял, словно дитя. Его, такого злого и нелюдимого, в подобном настроении нечасто увидеть можно, лунно-рожденная успела это понять. Становилось даже немного легче. Верилось, что беды остались позади.

Сейчас конунгова дочь смотрит вверх без должного восторга; за время пути зрелище это успевает ей наскучить.

Ведун, хромающий следом, понур и хмур. Нет в нем больше огня, что горел в груди в тот миг, когда они покинули стены Алтын-Куле. Уверял Радомир, что в пути проведут они не так уж и долго, что там, за следующей дюной, то, к чему так они стремятся. Слишком много «следующих дюн» минуло, а они до сих пор не дошли.

От долгой ходьбы ноги покрыты ужасными волдырями. Сапоги так плотно льнут к плоти, что снимают кожу до самых костей. Опрометчиво было ничего не надеть под них, да только в то мгновение не о том Ренэйст думала, ох, не о том. Все, чего могла она желать, так это убраться как можно дальше от Алтын-Куле, стены которого все сильнее пламенем охватывало. Теперь же приходится платить за свою поспешность кровью. Она даже оторвала рукава от рубахи, обмотав тканью ступни, но и это не помогло.

Свои сапоги Радомир оставил множество лиг позади. Не выдержал босоногий солнцерожденный даже подобного плена. Только вот, наступая то на засохшее и безмерно колючее растение, то на затаившуюся в песках ящерицу, о своем решении Радомир жалеет. Что с сапогами, что без них, ногам столь больно, и не ясно, как же хуже.

Ничего не говорит Ренэйст – и без того тяжко. Признаться, и не помнит она, как давно они говорили друг другу хоть слово. От безмолвия иссохшие ее губы словно бы срастаются, покрываются плотной коркой, и рот открыть становится лишь сложнее. Белолунная не чувствует языка, даже боится невольно, что и вовсе разговаривать не сможет. Любые богатства отдать она готова за глоток питьевой воды. Припасы, полученные ими в городе, давно закончились.

Не сказать, что и тех припасов было особенно много. Те, кому доверили это, собирали их впопыхах, что вовсе не странно, учитывая, в каких условиях пришлось уходить. Немного хлеба, какие-то фрукты, кусок сырого мяса, завернутый в ткань. Две фляги воды и большой бурдюк, прикрепленный к седлу одной из лошадей. Уж вряд ли этого было бы достаточно, чтобы пройти через всю пустыню. Ренэйст помнит, сколько еды они взяли с собой в дорогу, когда готовились отправиться в набег. Для такого длительного пешего пути нужно ничуть не меньше.

Мысли о еде вскоре вытесняют все иные. Не особо и помнит Ренэйст, куда они идут и зачем. Думает лишь о том, как восхитительно было бы получить хоть глоток студеной воды,

один жалкий глоток. Всеми силами гонит луннорожденная от себя воспоминания о том, сколь сладок был пряный мед, что пили они с побратимами под сводами Великого Чертога. Сейчас Рена и от колдовского зелья из крови, молока и дурман-травы, что пила во время посвящения, не стала бы отказываться. Выпила бы всю чашу залпом, и вкус не был бы для нее столь важен.

Может, была бы дорога куда легче, будь у них лошади, только незавидная судьба скакунов постигла. У всадников не было еды и воды, достаточных для того, чтобы самих себя прокормить, что говорить о конях? Их мясо помогло Радомиру и Ренэйст пройти гораздо дальше, чем они могли бы пройти без него. Воительница предложила даже наполнить их кровью фляги, разбавив остатками воды, только вот Радомира подобный вариант не устроил. Услышав дикое, как ему казалось, предложение, он смотрел на Ренэйст так, словно бы несусветную чушь услышал. Ей же казалось, что коль берсерки, могучие воины ее родины, могут пить кровь, то и они смогут. В подобной ситуации не такой уж большой у них выбор.

Они выбрали медленно умирать от жажды.

Пропитав песок животной кровью, они ушли, забрав все, что могли унести. Теперь, лишенные сил, путники едва несут на себе собственный вес.

Радомир бормочет что-то себе под нос, а после опадает на песок. Ведун готов поклясться, что ни единого шага больше не сделает. Достаточно, и без того сотни шагов прошел, имеет право на отдых. Ему хватает сил только на то, чтобы перевернуться на спину, раскинув руки и устремив взгляд в небо.

Небо. Радомир ненавидит один только его вид. Все очарование, нахлынувшее на него в тот самый миг, как только они оказались под его сводами, покинуло ведуна безвозвратно. Так сильно тоскует он по родной лазури вечного своего лета! Раньше казалось ему, что нет ничего ужаснее, чем видеть перед собой яркий лик Ярило, теперь же знает – есть вещи, которые куда страшнее. Остатки кошмарного сновидения, увиденного им в темницах Алтын-Куле, до сих пор душат черной горечью, но даже это не уменьшает его тоски по родным краям.

Или, может, тоскует он вовсе не по Большеречью?

Не хочется больше думать о подобных вещах. Мысли эти приводят его к воспоминаниям о Весне, и взгляд зеленых ее глаз, полных печали, причиняет боль и без того израненному сердцу.

«Пусты слова твои, ни любви в них, ни защиты. Люби тебя, не люби – так и будешь пустой, ни жизни в тебе, ни души».

Морщится солнцeroжденный, стискивает кулаки в бессильной злобе. Она – все, что у него осталось. Ведун и сам не уверен, о ком именно идет речь – о злобе или о девушке.

Прошедшая вперед северянка замечает пропажу не сразу. Она оборачивается, окинув мутным взглядом горизонт, и останавливается, заметив лежащего на песке ведуна. Пугается даже – неужто умер? Что же будет делать она одна в ужасном этом месте? Ей не добраться в одиночестве до далекого берега, на котором раскинулся Дениз Кенар, не то что до северных земель! Да и не только в этом дело. За время пути Радомир стал ей даже близок, словно бы связаны они кровным родством. Привыкла она и к тяжелому характеру, и к тому, что всегда он рядом.

Или ей на роду предначертано терять братьев?

Мысль эта пронзает ее стрелой. Испуганная, Волчица бросается назад, старается как можно скорее оказаться возле ведуна. Скользит на песке, падает несколько раз, царапая ладони об острейшие песчинки, и кричит дрогнувшим от страха голосом:

– Радомир!

Она оказывается рядом с ним так быстро, как только может, и, рухнув на колени, хватая ведуна за плечи, встряхнув с такой силой, что его челюсти звонко щелкают друг о друга. Распахнув карие глаза, он смотрит прямо на нее. Ренэйст шумно выдыхает через нос. У нее больше нет сил, чтобы злиться.

Словно прочитав ее мысли, говорит Радомир слабым голосом:

– У меня больше нет сил, чтобы идти.

Он закрывает глаза, и Белолунная рассматривает лицо побратима, болезненно-спокойное. Отсутствие воды и еды оставило на нем свой след. Прежде по-детски круглое, юношеское совсем лицо обострилось, словно грубо из камня его высекли. Острые скулы и впалые ореолы глазниц сделали Радомира похожим на мертвеца; видела Ренэйст тех, кто умирает от болезни, и выглядели они столь похоже, что становится ей страшно. Бледные, иссушенные губы истерзаны незаживающими ранами, словно ткань, прикрыты лоскутами омертвевшей кожи.

Думать не хочет о том, как выглядит сама после столь изнурительного путешествия. В детстве Ренэйст знала, что вырастет красавицей. Для того чтобы понять это, достаточно посмотреть на кюну. Йорунн считалась самой прекрасной женщиной если не во всех землях луннорожденных, то в Чертоге Зимы уж точно. Будучи ее дочерью, Белолунная ясно понимала, какая судьба ей уготована. Она была готова к тому, что и ее тоже будут называть красавицей, и представляла, как лучшие воины будут обивать порог конунгова дома, стремясь уговорить отца пообещать ее руку. Ренэйст была ребенком, и матушка, заплетая белоснежные волосы в косы, говорила ей, сколь радостна будет она, став кому-то женой.

Но Ренэйст стала воительницей. Претендентов на руку конунговой дочери не нашлось, да и та свое сердце отдала дикому мальчишке, которого конунг из набега привез, назвав заменой почившему Хэльварду. Судьба Ренэйст стала иной, да только красавицей она так и осталась.

Потому и не хочет видеть, сколь ужасно сейчас ее лицо. Не желает знать, в каком виде предстанет перед Законом, когда вернется к нему. Столь глупы эти переживания в свете того, через что Белолунной пришлось пройти, но под шрамами и песком, вросшим в потемневшую от солнечного света кожу, она все еще юная дева в самом нежном своем возрасте.

Обессиленная, ложится Ренэйст на песок подле Радомира и закрывает глаза. Во весь рост вытягивается, стонет глухо от боли, пронзившей насквозь. Словно бы в собственном теле тесно становится, дышать нечем, а кости смыкаются клеткой. Останься в ней силы, она бы заплакала, только не может даже этого сделать.

Чудится ей, что, коль не продолжат они прямо сейчас свой путь, то останутся здесь навсегда. Только вот не пугает это больше. Мысли о родных, горюющих о ней, похоронивших ее, больше не придают сил. Если мертва она, то для чего борется? Что доказать пытается? На севере Ренэйст никто не ждет, и не на что ей надеяться.

– Вдруг, – шепчет она, глаз не открывая, – вдруг мы мертвы? И все это – царство богини Хель, по которому блуждаем, не заслужив при жизни смерти, достойной чертогов Одина?

Смеяться Радомир начинает, и смех его вскоре обращается кашлем.

– Были б мы мертвы, не было бы меня с тобой. Я в других богов верю, и другая судьба меня ждет, как закончится жизненный путь. Нет, Ренэйст, живы мы, пусть и не уверен я, что это хорошо.

Не отвечает она, и, повернув голову, рассматривает солнцорожденный ее лицо. Брови изогнуты жалобно, губы поджаты крепко, Ренэйст выглядит так, словно ощущает боль каждое мгновение своей жизни. Ведун вглядывается, понять пытается, дышит ли она, и страх поднимается в нем, охватывая тело дрожью холодной.

Сквозь сон Ренэйст морщится чуть сильнее, бормочет едва слышно. Этот слабый жест позволяет ведуну выдохнуть, чувствуя облегчение. В одной они с Ренэйст лодке – ему без нее не добраться до собственного народа, вырванного из солнечного лона и увлеченного темной дланью на север. Даже если чудо случится, и сможет он достигнуть вражьих берегов, что будет дальше? В видении своем был он в хрустальном лесу, и до сих пор встреча с владычицей той зимой отдается ему воспоминаниями о вспоротом горле. С даром или без него, но без помощи воительницы погибнет, затерявшись в снегах.

Отвернувшись, растягивает ведун губы в улыбке.

– Не смей умирать, пока спишь, – шепчет он.
И засыпает сам.

Не знает Радомир, сколько времени проводит в беспмятстве. Он открывает глаза, а над ним небо такое же, как и тогда, когда только закрыл глаза. Сон не приносит желаемого покоя, да и сил не прибавилось, потому продолжает лежать на песке, рассматривая, как один цвет небесного полотна перетекает в другой. Не может он больше смотреть на это небо, всей душой ненавидит. Уж лучше видеть над собой синеву, усеянную россыпью стекла, чем продолжать возводить взгляд и знать, что никогда это не закончится.

Закрывает Радомир глаза, морщит нос, пытается губы разжать, и стонет, ругаясь, когда удаётся. Рот кровоточит от незаживающих ран, которые причиняют ему боль, заставляя проклиная тот миг, когда ужасное морское чудовище обрушилось на корабль луннорожденных со всей своей яростью. Радомир приподнимается, на локтях удерживает ноющее свое тело и взгляд на Ренэйст переводит. Та все еще спит, болезненная и безмятежная. Ведун протягивает руку к ее лицу и держит над губами воительницы. Ребром ладони ощущает он слабое дыхание и вновь опадает на песок.

Не умерла. Сейчас достаточно и этого.

Не спешит ее будить. Кто знает, когда еще у них будет возможность поспать? Вся жизнь их сейчас состоит лишь из пути, которому они следуют – Золотой Дороги, что должна привести их в Дениз Кенар. Он не знает, что им стоит ожидать от этого места, к чему готовиться. Край Заката показывает себя крайне недружелюбно, и здесь необходимо быть готовым к любым вольностям судьбы.

Подумать ведь только, не так давно Радомир жил в небольшой избушке на краю Большеречья, смотрящей окнами на лес, и тосковал в праздном покое. Избегал людей, жил отшельником и желал, чтобы жизнь его изменилась. Что ему нужно было? Подвиги, за которые будут его признавать? Приключения, о которых сможет рассказывать потомкам? Сейчас под сомнением даже то, что сможет он продолжить свой род. Умрет в этой пустыне – и на нем все закончится.

Они не могут погибнуть здесь, где никто даже не найдет их тела. Для народа Ренэйст бесславная смерть равна проклятью, пусть и не может Радомир понять, как можно желать для себя определенной гибели. Смерть будет смертью всегда, и народ его относится к ней с почтением в любом ее проявлении. Но одно дело уважать смерть, и совсем другое – желать ее.

Их народы такие разные, совершенно непохожие друг на друга. Радомир смотрит на лицо Ренэйст, думает о тяжбах, которые привели ее на этот путь, и размышляет невольно о том, сама ли она на него ступила. Среди солнцорожденных нередко можно встретить деву-воительницу, их называют поленицами, и в силе те не уступают мужчинам. Только вот то, что есть они, совсем не значит, что так их много. Сам Радомир ни одной не встречал, слышал о них много, но не видел. Так ли часто среди луннорожденных встречаются воительницы? Или, может, Ренэйст некое исключение?

За все время их путешествия Радомир не особо думал о жизни в мире, где нет солнечного света и тепла. Сложно ему представить, с чем сталкиваются люди, для которых подобное – дело привычное. Они рождаются и умирают в темноте и холоде, и только те, кто способен сражаться, вырываются на краткий миг в вечное лето лишь для того, чтобы принести раздор. Сжечь, украсть, подчинить. И все потому, что для них это – единственный способ выжить. Их это не оправдывает, луннорожденные могли получить желаемое и другим способом. Правда, Ренэйст говорила в порыве злости, что предки ее обращались к его народу за помощью, но получили отказ. Если бы Дар Радомира был силен, как у его отца (по словам жителей Большеречья, Святovit был едва ли не сильнейшим ведуном, что рождался на их земле), он мог бы и в прошлое заглянуть, чтобы узнать, в чем кроется истина.

Придется довольствоваться тем, что есть. Раз на прошлое повлиять нельзя, стоит творить то будущее, которого они сами желают. Других вариантов у них все равно нет. Только вперед, без возможности обернуться.

Просьпается Ренэйст медленно, словно бы сил у нее нет даже на то, чтобы открыть глаза. Размыкает веки, и белые ее ресницы трепещут, испачканные песком. Молчит Радомир, смотрит и ждет, когда сознание вернется луннорожденной. Ренэйст в весь воздух, что есть в ней, и смотрит на ведуна осмысленно и трезво. На фоне песка голубые глаза ее кажутся ненастоящими.

– Ты очнулась?

Кривит Ренэйст губы в слабой усмешке, закрывая глаза. И Радомир сам понимает, сколь глуп его вопрос, только вот раз есть в ней силы смеяться над ним, то все не так уж и плохо. Быть может, их положение не столь бедственно, как могло показаться.

– Как видишь, – отвечает она.

Держась за живот, она садится медленно, морщась от боли, и песок с нее сыплется, как с древней старухи. Сравнение это Радомира заставляет усмехнуться, но улыбка его пропадает с лица в то же мгновение, стоит ему поднять взгляд выше.

Волосы Ренэйст напоминают птичье гнездо. Того гляди, соловьи и дрозды ринутся через моря и океаны, для того чтобы занять уютное это жилище. Белые пряди кажутся серыми, а по состоянию своему напоминают свалявшуюся овечью шерсть. Он помнит, какой неприятной на ощупь была эта шерсть, какую неприязнь вызывали ужасные колтуны. Стоило старику Ратибору заикнуться о том, что овец стричь нужно, как в то же мгновение разбегалась детвора, не желая браться за это дело. Не успел убежать – стрижешь. Потому почти всегда занимались этим одни и те же. Радомир, босоногий и худой, бежал впереди других и никогда не занимался подобной работой.

Славное это было время, полное глупости светлой и безмятежности. Предложил бы сейчас кто Радомиру выбор: в пустыне этой быть или овец стричь, так никто не смог бы остановить его до тех пор, пока все стадо не остриг бы.

Вот только сейчас вовсе не об этом стоит ему думать.

Радомир все продолжает смотреть на Ренэйст, и та, заметив тревожный его взгляд, напрягается. Тело словно каменеет, и вглядывается она в лицо ведуна, силясь понять, что волнует его. Наконец, не выдержав, задает вопрос:

– В чем дело?

Все равно узнает, что уж здесь тянуть? И все же начать говорить оказывается не так уж и просто. Слова цепляются за его глотку, пределы рта покидать не желают. Проводит ведун сухим языком по иссушенным своим губам, никакого облегчения от этого не получив, и прикрывает глаза. Нужно собраться с силами, сказать правду, а не тревожить Ренэйст только сильнее.

Кто бы знал, как сложно говорить женщине подобное.

– Твои волосы, – говорит он, наконец-то найдя в себе силы, – они в ужасном состоянии.

И как они не заметили этого раньше? Так сильно запутаться за одно мгновение волосы не могли, значит, ужас этот возникал постепенно. Сколь обессилены и истощены были они с Ренэйст все время, что это ускользнуло от их внимания? Все это время могли думать они только о том, как бы выжить, а все остальное казалось таким... неважным.

На лице Ренэйст застывает ужас. Медленно поднимает она дрожащие руки, прикасается пальцами к спутанным прядям, после чего вздрагивает северянка всем своим телом. Молчит Радомир, дает ей возможность осознать все, что случилось.

Способность говорить возвращается к Ренэйст далеко не сразу. Она не сводит с Радомира дикого взгляда, продолжая крепко держаться за колтуны, что некогда были прекрасными ее волосами, и с трудом произносит сквозь крепко стиснутые зубы:

– Как это произошло?

Словно бы он может ответить.

Ей сложно принять это. Белолунная пытается пальцами распутать тугие узлы, но волосы, похожие прежде на серебряные нити, пронизанные лунным светом, никак не поддаются. Душат ее воспоминания о том, с какой нежностью мать проводила по ним деревянным гребнем, заплетала в косы, говоря о том, сколь красивыми те выходят. Сидя позади нее на деревянной лавке подле очага, кюна пела тихие песни, рассказывая дочери истории, что хранит их народ долгие зимы. Чем старше Ренэйст становилась, тем сильнее крепло горе Йорунн, и вскоре древние песнопения сменились скорбным прощанием, да только гребень и волосы, сквозь которые скользили резные его зубья, словно бы связывали их невидимыми путами.

Им обоим важно было ощущать эту связь хотя бы друг с другом.

Красоту свою Рена принимала как должное, не задумываясь даже о ней. Глядя на мать, она уже знала, что будет красива, и что каждый, кто встретит ее, будет об этом знать. Пожалуй, это рок всех красавиц, коим не приходится прилагать усилий для того, чтобы облик их восхищал других. Беспечность, за которую придется поплатиться. Может, было бы это уместно, если бы Ренэйст довела себя до состояния такого умышленно.

Однако после всего, через что ей пришлось пройти, это – ужасающее, несправедливое наказание.

Глядя на нее, Радомир продолжает молчать. Видит, как ей тяжело, но не знает, что должен сказать, чтобы стало ей легче. Есть ли вообще такие слова?

– Распутай их, – скулит она, а следом взвизгивает, – распутай их, Радомир!

Воительница кричит столь пронзительно, что от испуга ведун подпрыгивает на месте. Перебирая неловко руками и ногами по песку, Радомир подбирается к Ренэйст за спину, встав на колени и с тревогой вглядываясь в тот ужас, с которым ему предстоит столкнуться. Сейчас, когда он столь близко, волосы ее выглядят еще хуже, ведь теперь может увидеть он вблизи то, насколько сильно они запутаны. У Радомира пропадает не то что уверенность, но и всякая надежда на то, что он сможет сделать с ними хоть что-то.

Единственной женщиной, чьи волосы он расчесывал, была его мать. Волосы у Ясны были густые, вились в тугие кудри, черные как смоль. Тяжко за ними было ухаживать, Радомир это помнит. Временами мать и вовсе забывала про гребень, считая, что с копной ее ничто не может совладать. Но бывали дни, когда, закрывая плотно ставни, чтобы свет Солнца не мешал спать, они садились на родительской кровати под светом свечи, и он, стоя ногами на ложе позади нее, тяжелым для детской руки гребнем силился прочесать непокорные волны. Все казалось ему, что материнские волосы вот-вот окутают его, словно паучьи лапки, и утащат в свою сеть. А бывало, что он прижимался к ее спине, набросив на себя полог из смоляных волос, и прятался от всего мира.

Когда северяне напали впервые в его жизни, Радомиру тоже хотелось спрятаться за этим пологом.

Вдохнув через нос, он старается успокоиться и вновь обращает внимание свое на Ренэйст.

Плечи Ренэйст дрожат, ее всю трясет, как во время горячки. Она обнимает себя, слабая и напуганная. Не бросать же ему ее в таком ужасном состоянии наедине с этой бедой?

Мысль эта тянет губы во взволнованной усмешке, которую Радомир прячет, прикрыв ладонью. Подумать только, кто бы знал, что Радомир, сын Святовита, ведун, ненавидящий лунно-рожденных всем своим сердцем, столь сильно станет заботиться о дочери Луны? За время пути привязался он к ней, да и шрам на ладони забыть не дает о том, что связаны они кровью.

Уж лучше с ней, чем одному.

– Я постараюсь, – обещает он.

Радомир старается быть осторожным. Он тянет пальцами жесткие от песка и грязи волосы, силится распутать узлы, но ничего не получается. В какой-то момент он дергает с такой

силой, что Ренэйст ведет вбок, она почти падает, пальцы его путаются только сильнее, но воительница не издает ни звука. Словно из камня высечена она, напряженная и безмолвная.

Неизвестно ему, сколь долго проводят они в напрасных этих попытках. Как ни ухитрится он, а справиться не может. Выдыхает сквозь зубы, предугадывая реакцию на свои слова, только дело все в том, что, как бы ни ранило это Ренэйст, иного выбора нет. Радомир не может ей лгать. Он не знает, что делать, и Дар тут не поможет.

Когда он начинает говорить, в голосе его звучит сочувствие:

– Это бесполезно.

Опустив спутанный клубок волос, который, кажется, от его действий запутался лишь сильнее, ведун опускается на песок. Радомир выдыхает носом, наблюдая за тем, как Ренэйст оборачивается к нему. На лице ее застывает выражение бесконечной скорби. Его слова луннорожденную вовсе не удивляют, словно бы была она готова именно к такому итогу. Голубые глаза, полные слез, смотрят на него с тревогой.

– Что именно? – спрашивает она, и голос ее срывается.

– Все! Их не распутать.

Даже если замочить в воде и хорошенько натереть мыльным корнем – ничего не получится. Волосы испорчены окончательно.

Ренэйст все понимает. Слезы стекают по ее щекам, оставляют следы на грязной коже. Она продолжает смотреть на него, но словно бы и не видит, погруженная в свои думы. Они оба знают, что будет дальше, но ни один из них не готов сказать об этом вслух. Временами кажется, что если не говорить о чем-то, то это не произойдет, но сейчас совершенно не тот случай. Белолунная качает головой медленно, не моргает, но молчит.

И тогда нарушить молчание приходится Радомиру:

– Их не спасти.

Ренэйст молчит.

– Ты понимаешь, что я говорю?

И не моргает даже.

Перед тем как сказать это, Радомир делает вдох особенно глубокий. Силится наполнить воздухом все свое нутро, вдыхает до тех пор, пока места внутри собственного тела едва хватает ему самому, и произносит на выдохе:

– Мы должны их отрезать.

И тогда ее взгляд становится осознанным. Полный боли, он пронзает ведуна подобно стреле, и следом за этим северянка заходится громкими безутешными рыданиями. Всем телом подается Ренэйст вперед, прижимаясь лбом к песку, и ужасные ее волосы падают Радомиру на колени. Не в силах смотреть на нее, ведун возводит взгляд к небу, рассматривая его отвратительный, вызывающий лишь неприязнь цвет.

Он так устал от этого цвета.

Ренэйст убивается столь сильно по своим волосам не только из-за воспоминаний, связанных с ними, нет. Для северного воина волосы – его достояние, признак свободы. Мужчины носят длинные волосы, заплетают в косы, показывая, сколь свободолюбивый и гордый нрав они имеют. Уход за ними – настоящий ритуал, процесс, которому уделяется множество времени, сил и внимания.

Обстригают только рабов. Тех, кто попал в плен и кого хотят унижить. Показать, сколь ужасно и бедственно их положение. Для будущей кюны, наследницы конунга, для воительницы, прошедшей испытание и свой первый набег, это – самое настоящее унижение. Как отнесется к ней ее народ, если вернется к ним Ренэйст обкорнанная, подобно рабыне?

Кто пойдет за таким правителем?

– Я не могу...

– Можешь, – излишне резко отвечает Радомир, продолжая уже мягче. – Можешь. С таким колтуном на голове далеко тебе не уйти. Тяжело же, да и покоя тебе не будет, задушишь себя тревожными мыслями. Не хватало еще, чтобы насекомые в твоих волосах завелись, мы же в пустыне никак их не выведем, и сойдешь еще с ума от чесотки.

Может, и так, но знает Радомир, что в волосах женщины кроется ее сила. Юные девы заплетают косу одну, и та скрывает хребет, хранит в себе все женское естество. Когда девушка выходит замуж, то заплетает две косы: одну для себя, а другую – для мужа. Потому девушки так хранят свои волосы, холят их и лелеют силу, что в них заключена.

Радомир не знает, так ли принято среди детей Луны, но отчаяние Ренэйст говорит ему о том, что нечто схожее в отношении их народа к волосам есть.

Протянув руку, осторожно сжимает он ее дрожащее плечо, поглаживая и стараясь показать, что рядом. Вот уж вряд ли присутствие его хоть несколько утешит ее, но не может же он оставаться безучастным. Ренэйст продолжает рыдать, содрогаясь при каждом всхлипе и не желая принимать неизбежность происходящего. Она и сама понимает, что придется сделать это, что доводы, приведенные ведуном, весьма весомы, и с ними придется считаться.

Однако это не помогает. Уж вряд ли хоть что-то сможет ее утешить. Радомир дает ей столько времени, сколько нужно, чтобы немного прийти в себя. Совсем скоро у Ренэйст не остается сил для слез, и она понимает, как опрометчиво с ее стороны поддаваться эмоциям. У них нет ни капли воды, и теперь ей только сильнее хочется пить. Проведя языком по своим губам, она слизывает солоноватый след, оставшийся от слез, и морщится.

Отвратительный вкус.

Медленно, все еще дрожа, она выпрямляется, и пряди волос, оставшиеся в более-менее сносном состоянии, падают ей на лицо. Губы воительницы вновь начинают дрожать, и она прикладывает невероятное усилие, чтобы совладать с собой. Подняв на Радомира взгляд покрасневших, опухших от рыданий глаз, Ренэйст прокашливается, перед тем как начать говорить. Открывает рот, только вот словно бы ни звука из себя выдать не может. Он смотрит на нее, хмурится, но старается и дальше показывать все грани понимания и сочувствия, на которые только способен. Ведун не отличается терпением, пламенный его нрав отчаянно гонит вперед, и кажется ему, что и без того достаточно времени он дал ей для того, чтобы смогла она смириться.

Волчий дух, заключенный в женском теле, нельзя сломить так легко.

Поэтому, стирая с лица песок, оставляющий грязные разводы на влажном от слез лице, Ренэйст смотрит на него – и все же произносит:

– Отстриги их.

Ее решительность только облегчает происходящее. Ведун кивает медленно головой, после чего вздергивает подбородок – мол, отвернись. Но Ренэйст не сводит с него взгляда, наблюдает за тем, как вынимает из ножен Радомир припасенный нож. Тяжелые изогнутые мечи бросили они подле трупа второй лошади за ненадобностью, ведь в пустыне, как оказалось, не с кем сражаться, а вот нож всегда пригодится. Белолунная смотрит на него напряженно, щурится, когда лезвие, поймав солнечный луч, направляет тот прямо в ее глаза, но даже тогда не отводит взгляд.

Проведя подушечкой большого пальца по лезвию, проверяя, не затупилось ли оно, ведун вновь смотрит на свою спутницу глазами карими. Чем скорее они приступят, тем скорее все это закончится.

Ренэйст смотрит ему в глаза несколько долгих мгновений, после чего поворачивается спиной. Старается расправить плечи и казаться решительной, а сама едва ли не заходится новым плачем. Опустив взгляд на нож в своих руках, Радомир ловит себя на том, что и сам решиться не может. Смотрит на ужасный серый ком, что некогда был прекрасными волосами, и сильнее стискивает рукоять в ладони. Встав на колени, он подается ближе и перехватывает

колтуны возле самой головы, постепенно отводя руку в сторону, для того чтобы понять, до какого места волосы еще можно спасти.

Он мог бы обкорнать ее бездумно, просто провести ножом и не думать о том, что выйдет. Возможно, случись что-то подобное гораздо раньше, когда их только выбросило на берег после кораблекрушения, он бы так и сделал. Но сейчас Радомир действует осторожно, прикасается мягко и ведет ножом, стараясь не причинять боли. Он и без того причиняет ее необходимостью пройти через это, пусть произошло все не по его вине.

Волосы издают странный хрустящий звук, когда лезвие проходит сквозь пряди. Легкий, ненавязчивый, но очень знакомый. Хруст этот напоминает ему скрип снега под босыми его ногами, когда в видении своем оказался он в землях детей Луны. Тогда впервые увидел он Ренэйст, стоящую на берегу бурной реки. Окликнул ее по имени и очнулся.

А теперь сидит позади нее, скользя ножом по волосам, ощущая, как давление на ее голову становится все меньше и меньше с каждой отрезанной прядью. Ренэйст продолжает плакать, и уж вряд ли подобное облегчение может заставить ее чувствовать себя хоть немного лучше. Ведун все же надеется: горе ее будет не настолько безутешным, что заставит их оставаться на месте еще дольше без воды и еды. Они и без того полностью обессилены, и кто знает, сколько еще идти им по этой ужасной пустыне.

Радомир настолько устал, что даже к Дару прибегнуть не может. Кажется, что и вовсе забыл, каково это – быть ведуном.

Последний рывок – и тяжелый колтун остается в его руках. Грязные, но освобожденные из плена волосы, покачнувшись, обрамляют лицо неровными, грубо отрезанными острым ножом прядями. Самые длинные их кончики едва достают до плеч, но основная масса волос одной длины – до середины шеи. Что же, это лучшее, что он мог сделать в тех условиях, в которых они находятся.

– Все.

Качает она головой, и яркие бусины, соскользнув с расплетающихся тонких косиц, падают в песок. Ренэйст касается волос пальцами, стискивает их судорожно в ладони, словно бы стараясь вырвать с корнем, после чего оборачивается, принимаясь бережно собирать выпавшие бусины в кулак. Ни слова не говорит, не смотрит на Радомира даже, словно бы все, что случилось, было исключительно его желанием. Поджимает он губы, вглядываясь в скованные ее движения, и, протянув руку, перехватывает откатившуюся к его коленям бусину, отдавая северянке.

После недолгой заминки принимает она бусину из его рук, но все так же молчит.

– Стоит снять те, что в твоих волосах, чтобы не потерять, – подмечает ведун.

И тогда Ренэйст впервые с того момента, как Радомир взялся за нож, смотрит на него осознанно. Воительница проводит языком по своим губам, тянет носом воздух и осторожно снимает с волос первую бусину, убирая ее к остальным. Одну за другой северянка прячет их в своем кулаке, и ведун наблюдает за ней, после чего смотрит на тот самый колтун, что до сих пор сжимает в руке. Среди этих узлов и волос, напоминающих овечью шерсть, он замечает и другие бусины. Берет Радомир в руки нож и начинает с его помощью вырезать их, складывая перед посестрой.

На это у них уйдет много времени, но, кажется, ничто иное Ренэйст не беспокоит.

Это оказывается не так уж и просто, но ведун не останавливается до того момента, пока не вынимает из смертельного плена все до последней бусины. Белолунная нежит их в своих ладонях, сложенных лодочкой, и молчит, низко опустив голову.

– Ужасно.

Голос ее слабый и хриплый. От неожиданности Радомир вздрагивает, когда она начинает говорить, и убирает нож обратно в ножны. С ответом он не торопится – не знает, какие слова будут правильными. Да и есть ли они, правильные слова?

– Выглядит не столь плохо. Это ведь просто волосы, Ренэйст. Не отрицаю, что для тебя они могли значить многое, но, выбирая между жизнью и волосами... Мне кажется, твой ответ вполне очевиден.

Они снова смотрят друг другу в глаза, и Ренэйст улыбается ему слабо. Закрыв бусины в ладонях, Волчица прижимает их к себе, сомкнув веки и прошептав что-то тихо на своем языке. До того личным, интимным даже чудится ему этот момент, что в неловкости своей ведун отворачивается. Рвет подол и без того разорванной рубахи, из куска ткани соорудив небольшой сверток, который протягивает своей спутнице:

– Сложи их сюда. Завяжем крепко и ни одну не потеряем.

Для нее бусины эти значат так много. Ренэйст получала их в дар от разных людей, в разные периоды своей жизни. Здесь и бусина, вырезанная для сестры Хэльвардом множество зим назад. Дары отца, подарок Хакона, да и просто красивые безделушки, которые покупала она у приезжих торговцев. Даже бусины из солнечного камня, что отец привозил для нее из своих набегов. Ни одну Ренэйст не согласна потерять и потому складывает бережно в самодельный сверток, который Радомир тут же венчает тугим узлом.

Перед тем как вернуть узел ей, ведун подкидывает сверток в ладони. Бусины звонко стучат друг об друга.

– Теперь им ничего не грозит. Ты готова идти дальше?

Но она не готова. Радомир понимает это сразу же, как только Ренэйст смотрит на него. Долго и пронзительно, поджав губы и стиснув пальцами мешочек с заветными бусинами.

Радомир опускает взгляд, смотрит пристально на то, что осталось от колтуна грязных волос, который изрезал он ножом, и, вперед подавшись, начинает копать. Разгребая руками песок, не останавливается он до тех пор, пока в песке не появляется яма достаточно глубокая, чтобы бросить в нее мерзкие эти остатки и не менее резво накрыть сверху песком. В тревожном молчании наблюдает за его действиями Ренэйст и, стоит тому закончить, спрашивает тихо:

– Зачем ты сделал это?

– Чтобы ты не оглядывалась, – отвечает ведун, поднимаясь и отряхиваясь от песка. – Так ничто не будет тянуть тебя назад. У нас нет другого пути, кроме как того, по которому мы идем вперед. Нужно оставить свое горе на другое время, сейчас есть вещи куда более важные. А теперь поднимайся, Ренэйст, мы должны пройти Золотую Дорогу до самого конца.

До самого Дениз Кенара, где они найдут порт и корабль, который согласится отвезти их на север. Сложно представить ему, как вообще смогут они подобного добиться, но сейчас это и неважно. Для начала было бы неплохо выбраться из этой пустыни.

Следуя его примеру, Ренэйст поднимается на ноги. Первым делом привязывает она мешочек с бусинами к своему поясу и лишь после этого поднимает на Радомира тяжелый взгляд. Совсем другой кажется она с короткими этими волосами, холодной и нелюдистой.

Молчание затягивается, и тогда Ренэйст кивает подбородком куда-то Радомиру за спину:

– Мы должны идти, ты сам об этом сказал.

Радомир разворачивается, не сказав ни слова, и, покачиваясь, продолжает их путь. Шагает Ренэйст за ним, и огромных усилий стоит ей не обернуться. Кажется, что если сделает она это, то пропадет окончательно, утонет в боли и жалости к самой себе. Допустить нечто подобное она не может, не после всего, что случилось. Обида все еще сжигает ее изнутри, словно бы в груди у нее развели очаг, да только пламя это объяло собой все нутро. Раньше огонь этот разгорался в ней перед боем, пробуждал то звериное, что в ней есть. Сейчас...

Сейчас он сжигает все внутри дотла.

Ренэйст понимает, что это была лишь необходимость. Что если бы они не сделали этого, было бы только сложнее. Быть драккаром для различных паразитов, что могли завестись в волосах, находящихся в столь плачевном состоянии, ей вовсе не хочется. Короткие пряди

щекочут шею, тревожат и заставляют хмуриться. Не солгал Радомир, постарался сохранить ту длину, которая только была возможна, да и той мало.

Она все равно ему благодарна. Ведун принял решение, для которого ей не хватало смелости. Ренэйст так цеплялась за свои волосы, что даже все разумные доводы не казались ей столь значительными, чтобы согласиться, пока он не взялся за нож.

– Радомир.

Не прекращая упрямо идти вперед, побратим оглядывается на нее. Ренэйст кусает губы, а после произносит:

– Спасибо.

К тому моменту, когда на горизонте показывается горный хребет, они выбиваются из сил окончательно. Останавливаются часто, отдыхают долго, а путь не хотят продолжать совершенно. Даже близость границы, отделяющей Дениз Кенар от всего остального материка, от жестокой пустыни, по которой они шли так долго, не внушает особой надежды. Оба они понимают, что в ужасном своем состоянии не смогут пересечь горы, даже если каким-то чудом до них доберутся.

Это похоже на насмешку. Горы столь близко, кажется, стоит руку протянуть, и к ним можно будет прикоснуться, но в то же время они так далеко, что и не дойти никогда. Опустившись на песок, Радомир не сводит с хребта взгляда; он и не помнит, зачем они шли и к чему стремились. Усталость столь сильна, что вскоре, помимо безумной жажды, на него обрушивается головокружение. Мир пляшет перед глазами, и ведун больше не пытается за ним уследить.

Не менее истощенная, воительница опускается подле него на четвереньки, силясь выровнять собственное дыхание. Короткие волосы больше не могут скрыть лицо Ренэйст от него, и Радомир наблюдает за мукой, что отражается на ее лице. Белая Волчица ложится на песок, свернувшись клубком, и затихает. Ведун подбирается к ней ближе и осторожно трясет за плечо:

– Ты не должна спать. Нам нужно идти.

Это его голос? Такой слабый, лишенный жизни голос. Жалкий даже.

– Мы прошли достаточно, но так ни к чему и не пришли.

– Нельзя останавливаться.

– Бездумно идти, куда глаза глядят – тоже.

Возможно, в этом суждении есть толика истины. Вот он, конец Золотой Дороги – лента, что вилась сквозь песчаные курганы, обрывается, упираясь в каменные гиганты. Своды эти простираются от горизонта до горизонта, и уж вряд ли есть другой путь в Дениз Кенар с этой стороны, если не напрямик. Только думать об этом больше не хочется. Последовав примеру Ренэйст, ведун опускается на песок, раскинув руки в стороны и зарываясь пальцами в золотистую пыль. Они будут думать о том, как им пройти сквозь горы, когда наберутся сил. Сейчас нет ни еды, ни воды, и потому единственный способ отдохнуть хоть немного – уснуть.

Не думает Радомир о том, что, столь истощенные, могут они не проснуться. Дыхание Ренэйст выравнивается, осунувшаяся, она хмурится тревожно, спит беспокойно, и белые ресницы слегка трепещут. Несколько долгих мгновений ведун наблюдает за ней, а после закрывает глаза.

Чужое присутствие сквозь пелену глубокого сна ощущается подобно обману. Умом понимает Радомир, что никого, кроме них с посестрой, нет по эту сторону горного хребта, и потому продолжает спать сладко. Томительную его дрему прерывают грубо и резко, вынуждая дернуться, стряхивая тем самым с себя остатки сна. Садится ведун одним рывком, шурится слепо, как новорожденный котенок, и оглядывается по сторонам, пытаясь найти вредителя.

Шурша тканью одежд и смеясь тихо, незнакомец кружит вокруг них, подобно ворону, вновь и вновь ускользая от взгляда Радомира. Словно бы удастся зацепиться за пеструю ткань, мелькнувшую едва ли не перед самым носом, да только в то же мгновение и нет больше ничего.

Издавка эта пробуждает внутри него легкий отголосок бывшего пламени, что загорается в нем от ярости. Вглядываясь себе за спину, ведун вздрагивает, чувствуя, как его слегка бьют по ноге чем-то твердым, словно бы насмехаясь, и следом за ударом звучит хрипловатый женский голос:

– И что это за бедные крошечные птички оказались подле моих гор?

Обернувшись, Радомир видит перед собой волчью морду.

Пустые глазницы шкуры смотрят на него карими человеческими глазами. То, чем его ударили по ноге, – судя по всему, посох, на который женщина опирается, нависая над ним. Посох покрыт знакомыми символами, но Радомир не может вспомнить, где их видел, а также веревками, украшенными перьями, костями и разноцветными камнями. Сквозь серый мех он замечает пряди рыжих волос и вновь поднимает взгляд к глазам. Теперь незнакомка смотрит вовсе не на него. Рассматривая лежащую подле ведуна Ренэйст, женщина слегка поддевает ее спину посохом, юрко отскочив в сторону, но, когда северянка не реагирует, расслабляется.

Радомир рассматривает ее, когда женщина впивается в него взглядом. Она протягивает ему свой посох. Радомир, взявшись за гладкое дерево, поднимается на ноги.

– Давно у меня не было гостей, – говорит она, и в ее голосе он слышит улыбку.

Женщина поднимает маску, и под волчьей головой ведун видит обычное человеческое лицо.

– Ну, здравствуй, сокол мой.

Глава 2. Мойра

Она говорит, что ее зовут Мойра, и в ее речи Радомир узнает отголоски родного дома. Легкое рычание или, наоборот, тень, бросающая вуаль печали на произнесенные звуки, – все это так болезненно похоже на родной край, из лона которого его и других жителей Большеречья вероломно забрали.

От нее пахнет песком и камнем, и отдаленно – домом. За время своего путешествия Радомир настолько отвык от родной речи, лишенной свойственного другим народам говора, что звучание это режет ему слух. На рослую и рыжеволосую женщину смотрит он с подозрением; она выше их с Ренэйст на целую голову, и силы в ее обманчиво тощем теле достаточно, чтобы без труда закинуть северянку, не покинувшую от слабости мир грез, на свое плечо.

Уж вряд ли будет рада Ренэйст, узнай она о том, что волокли ее, словно дичь, пойманную охотником. Но спит она крепко, а Радомир будет достаточно мудр, чтобы утаить это.

Хотя, конечно, в иной ситуации гнев ее позабавил бы его.

Шагая вслед за Мойрой, дрожа слабо от усталости, он смотрит на безвольно повисшие руки Ренэйст, покачивающиеся слегка при каждом шаге их неожиданной спутницы. И подумать не мог ведун, что настолько Белолунная ослабла. После того как закопали они кошмар, оставшийся от ее волос, решил он, словно бы пламя в груди Волчицы зажглось с новой силой. Признаться, он не раз обращал внимание на то, как быстро Ренэйст теряет силы. Но, как кажется ему, объяснить это явление можно тем, что все никак не может привыкнуть она к солнечному свету. Словно силы вытягивает из нее Ярило даже здесь, в месте, где Северное Солнце ощущается так же близко.

Будет ли нечто подобное с ним, когда они доберутся до родных ее краев? Вот уж вряд ли будет приятнее спать в снегу, уж лучше в песке. Только у него не будет выбора, если им все же удастся преодолеть море.

Поднимаются они в горы в полной тишине. Изредка слышит Радомир, словно бы Мойра говорит что-то, но, когда он переспрашивает, она ничего не отвечает. Странная, сама себе на уме. Дикая и пугающая, вот она какая. Но не то чтобы у них есть из чего выбирать.

Идти в тревожном молчании ему неведомо. Прокашлявшись, отвыкнув абсолютно от разговоров за то время, что пересекали они пустыню, Радомир подает голос:

– Я где-то видел письма такие же, как на твоём посохе.

Мойра не отвечает, даже не смотрит на него. Она продолжает идти вперед, пробираясь по скалистым склонам все выше и выше. Словно бы и нет на ней груза в виде северной воительницы, Мойра будто и не ощущает на себе ее веса. Радомир отстаёт шагов на пятнадцать, хмурится и изрыгает проклятия, когда, и без того рваная, одежда цепляется за ветви редких иссушенных кустарников. Дергаясь зло, вырываясь из этого «плена», над своей головой он слышит хриплый смех, больше напоминающий лай.

Стоя на уступе повыше, Мойра глядит на него сверху вниз и забавляется. Подкинув Ренэйст, устраивая ту удобнее на своём плече, она продолжает подниматься выше.

Будь в его теле хоть немного влаги, он бы сплюнул от злости. Выругавшись вновь, Радомир следует за ней.

– Скорее, сокол мой! – звучит сверху насмешливый голос.

– *Скорее, сокол мой*, – передразнивает ее Радомир, фыркая себе под нос.

На вид Мойра старше, чем он. Быть может, не так уж много лет отделяет их друг от друга, но она, взрослая женщина, ведет себя, словно девчонка, безмятежная и глуповатая. Правда, путешествие это его научило, что нельзя о людях судить лишь по тому, какими кажутся они. Ренэйст вон казалась ему дикаркой, несущей за собой лишь смерть и кровь, а сам-то с ней побратался. Привязался даже. Не так, конечно, как привязываются к женщине.

Сердце его отдано одной лишь Весне. Случись с ней что, давно уже перестало бы оно биться.

Дыхание его сбивается, от каждого шага ноги горят огнем. Хватая ртом воздух, останавливается он, согнувшись и упираясь ладонями в собственные колени. Никогда еще не бывал Радомир на такой высоте. В родном Большеречье лишь холмы да поля, лес да река широкая, с течением буйным. Любил он, ребенком будучи, убежать в лес и забираться под самые кроны, только ни одно дерево не сравнится с этими горами. Распрямившись, оборачивается он, проверяя, насколько же высоко они поднялись.

С такой высоты пустыня едва ли не на ладони. И не верится ему, что могли они, пешие, пройти весь этот путь. Да, часть дороги провели они в седле, да и то коней ненадолго хватило. Не видно уже ни золотых куполов, ни пламенного зарева, пожирающего стены Алтын-Куле. В мыслях своих до этого момента ни разу не возвращался Радомир ко всему, что произошло за белокаменными стенами величественного города. Не вспоминал он о самой могущественной демонстрации своего Дара, которую только устраивал, – очищающем пламени, языки которого касались самого неба. Проявления силы, подобного тому, в жизни его еще не было.

И сам не знал, что способен на подобное.

Тогда вопрос возникает: коль он, ведун юный и достаточно неумелый, смог сотворить подобное, на что же способен тот, кто вошел в зенит своей силы?

Его отец действительно ничего не мог сделать, когда северные волки пришли по их души? Правда ли мог лишь сдаться?

– Поторопись, соколушка, коли не хочешь быть съеденным! Местному зверью ух как сложно пропитание найти. Они будут рады даже твоими косточками похрустеть, мясом-то твоим не наестся.

Возмущенный, вскидывает ведун гневный взгляд на насмешницу. Да, за время пути истощал он, только вот все равно съеденным быть не намерен! Ворча недовольно, Радомир продолжает путь, в мыслях размышляя над тем, уволокла бы Мойра их обоих, если бы и он без сознания был? Или, может, оставила бы одного на съедение тем самым зверям, о которых упомянула?

Если узнает ведун, что Рена притворяется, не желая своими ногами идти, то он ее проучит хорошенько в то же мгновение.

Подъем становится все более мучительным. Если раньше Радомиру казалось, что по песку ступать настоящая мука, то сейчас лучше бы вернулся он в пустыню, чем продолжил ступать босыми ногами по каменистой местности.

Ступни его покрыты кровоточащими ранами, попадающая на них грязь причиняет боль, и он думает о том, что не таким плохим решением будет снять с Ренэист сапоги. Все равно несут ее, ему нужнее!

Но не опустится он до подобного. Об этом и речи быть не может. Гордость превыше боли.

У Мойры сапоги добротные. Она в них скачет с камня на камень, словно козочка, облаченная в овечью шкуру. Где же в такой глуши смогла получить она подобные сапоги? Нет уж, сама не смогла бы она их сделать, в этом он уверен. Без инструментов и материалов столь хорошую обувь не создать, как и любую другую вещь. А на Мойре и одежда не из лоскутов, и обувь не похожа на жалкие обрубки, собранные из всего, что только может попасться под руку. Весь ее облик вызывает у него подозрение, и дальше следует он за ней без особого энтузиазма.

Мойра напевает что-то, пока поднимается все выше. Где-то там, наверху, может рассмотреть он хребты гор, подпирающие небо, и дышать становится тяжелее. Воздух здесь иной совсем, не такой, как в пустыне, наполняет нутро освежающей своей прохладой, и на языке при каждом вдохе остается соленый привкус.

Морская соль? Откуда она в горах?

– Мойра, – зовет Радомир.

Ему хочется узнать, что за странное чувство не дает ему покоя, только вот та никак не реагирует. Она уже совсем далеко, ведун едва может расслышать не то что ее шаги, но и голос. Ситуация эта изрядно его злит, и, собравшись с силами, Радомир едва ли не кричит:

– Мойра!

От требовательного и злого звука его голоса поблизости осыпаются мелкие камушки. Имя, сорвавшееся с губ ведуна, отталкивается от склонов, звонким эхом пробираясь до самых костей древних исполинов. Кричат горы, вторя ему и постепенно затихая:

Мойра... ойра... йра... ра...

Ее рыжая голова, показавшаяся совсем уж близко, становится для него неожиданностью. Сам же видел, как она ускакала далеко вперед! Открыв рот, хочет солнцeroжденный возмутиться, но Мойра ему не позволяет. Ее палец накрывает ему губы, призывая к молчанию, и от негодования Радомир забывает даже, что сказать хотел.

Покачив головой, Мойра строго цокает языком:

– Кто ж тебя так учил взбираться по горам? Лишь тот, кто желал, чтобы погиб ты под обвалом!

– Никто меня не учил, – шипит он, оттолкнув ее руку и пошатнувшись, едва ли не падая, – там, откуда я родом, и гор никаких нет!

Лишь на жалкое мгновение взгляд Мойры меняется. Она смотрит на него с удивительной смесью огорчения и боли, но едва ли удастся ему убедиться, что эмоции эти действительно были в ней. Тянет рыжевласая губы в улыбке довольной, отвечая:

– Точно. Дома ведь и нет никаких гор.

Дома?

– Но тебе стоит поспешить, сокол мой. Говоря о голодном зверье, я вовсе не шутила.

– Постой!..

Не оглядываясь, Мойра вновь устремляется вперед, все выше и выше, оставляя Радомира позади. Опустив взгляд, рассматривает ведун израненные свои ноги, после чего делает шаг, за ним еще один, и так до тех пор, пока ему не удастся нагнать свою сопровождающую.

Чуть дальше того места, где они оказываются, он видит невысокий, слегка покосившийся от времени каменный дом. Он сливается со скалой, расположенной позади, и, проходя мимо, вряд ли бы Радомир смог его разглядеть. Мойра уверенным шагом направляется прямо к нему; не сложно догадаться, что это – ее жилище. Но что может делать солнцeroжденная в таком месте? Какие дороги привели ее в одинокий и нелюдимый этот край?

Уставший и полный гнева, Радомир ворчит недовольно, поднимая с земли особенно крупный камень и швыряя его куда-то вдаль. Тот, весело стуча по скалам, падает все ниже и ниже, пока не скрывается в колючих кустах, растущих в небольшой долине прямо под ними. Почему-то от этого поступка становится ему легче, словно бы вместе с этим камнем он бросил вниз все свои переживания и страхи.

– Полегчало?

Обернувшись, Радомир вздрагивает от неожиданности; когда это Мойра успела подойти к нему так быстро? Ведун напрягается, готовый, как кажется ему, ко всему, и кивает медленно головой в ответ на ее вопрос. Губы Мойры растягиваются в ласковой, едва ли не материнской улыбке. Ренэйст, все еще перекинутая через крепкое плечо, стонет сдавленно, постепенно сбрасывая с себя оковы сна.

– Что же, я рада. А теперь спустись и принеси его обратно.

– Что?..

Сама эта просьба кажется ему безумной. Спуститься вниз и принести камень, который он швырнул не глядя? Как она себе это представляет?! Хмурясь, Радомир стискивает кулаки и категорично качает головой:

– Нет. Я не собираюсь этого делать.

– А что, ты здесь хозяин, чтобы решать, чему где лежать и кому что делать? Нет, это я здесь хозяйка, и мне решать, где какой предмет будет. Думаешь, что можешь так просто разрушить мой ведовской круг – и не понести наказания? Ты же ведун, неужто никто не учил тебя основам ведовства?

Слова эти ранят его в самое сердце. Стиснув руки в кулаки еще сильнее, преисполненный болью и гневом, Радомир отворачивается, а следом за этим восклицает:

– Нет, не учил! Некому было учить меня, да и что за глупость такая, за камнем меня посылать?! Коль нужно тебе, так сама за ним сходи!

Радомир делает шаг, но под ногой его почва вздымается, брыкается подобно непокорной лошади, вынуждая отступить. Смотрит ведун себе под ноги да злится все сильнее. Мойре и усилий прилагать не нужно, чтобы Дар свой использовать, и это давит на него, задевает раны лишь сильнее. Ему-то сколько сил прикладывать нужно для того, чтобы хоть малую толику создать, а она!..

Это уничтожает его гордость. Заставляет мучиться от малейшей мысли о том, что не столь хорош он в том единственном умении, которое у него есть. Радомир отводит взгляд, а глаза резать начинает от непрошенных слез.

Нависая над ним подобно хищной птице, Мойра хмурится, и в этот момент на лице ее можно увидеть легкие отголоски приближающейся старости. Едва заметны они, но различимы, и оттого лишь сильнее напоминает она недовольную поведением своего чада родительницу. Давно же Радомир не видел подобных взглядов; с тех самых пор, как Ясна покинула Явь, не выдержав разлуки с плененным возлюбленным. Словно бы никто из его родителей и не думал о том, каково Радомиру будет одному.

– Хорошо, – яростно цедит он сквозь крепко стиснутые зубы, – будет тебе твой камень!

Развернувшись, быстрым шагом ведун торопится убраться прочь, и нет ему больше дела ни до острых камней, ни до усталости, что сковывает его. Одним только упрямством движим он, желанием доказать, что справиться может со всем, что только ему доверят. Моргает Радомир, и с его покрасневших от соли глаз срываються слезы, пачкая собой грязные щеки. Старик Ратибор наверняка сейчас причитать бы начал, что негоже мужчине слезы лить, да только что теперь, Радомир и не человек вовсе? Не может дать волю чувствам своим, что душат его уже долгое время? Он не плакал, когда их похитили. Не плакал, когда взяли в плен на песчаном берегу. Не дал волю слезам даже тогда, когда оказался на поле боя, призванный развлекать вероломного султана и его народ. Так что же, становится слабым он только оттого, что чаша терпения его переполнилась? Хочет Радомир пнуть попавшийся под ногу камень, да только сдерживается. Не хватало потом за еще одним лезть, выполняя поручение безумной отшельницы.

Придерживая воительницу, от веса которой уже начинает тянуть плечо, Мойра внимательно смотрит в спину солнцeroжденного. Дать волю чувствам ему нужно, а при чужом присутствии не станет он делать этого, гордый сокол. Улыбнувшись уголками губ, перехватив северянку поудобнее, она направляется к своему жилищу.

Дом встречает знакомым запахом тлеющего очага и сушеных трав, висящих под потолком. В его стенах, пусть и изрядно покосившихся от времени, Мойра ощущает себя в полной безопасности. Одним только взглядом она заставляет огонь весело затрещать в каменном кругу, пожирая с жадностью иссохшую древесину, и свет пламени освещает каменные своды дома. Северянка тощая. Укладывая ее на свою постель, ухватив поудобнее, ладонью Мойра чувствует каждое ребро под лоскутами одежды. Они с Радомиром давно не ели, слабы и обезвожены, но луннорожденной в теплых этих землях куда тяжелее. Ведун-то вырос под лучами палящего солнца, босиком ходить по раскаленной земле привык, а она – другая. Ей проще в снег босой ступить, в холод лютый нос из дома показать, а любое тепло медленно ее убивает.

– Потерпи, дитя, – говорит Мойра, тыльной стороной ладони убирая пряди коротких белых волос с измученного лица, – скоро ты вернешься домой.

Северянка морщится и продолжает спать беспокойным сном. Отойдя от ложа, Мойра прислоняет посох к стене и снимает со спины выдавший лучшие дни волчий мех, кидая его небрежно в сторону. В бочке, полной холодной воды, она оmyвает руки и лицо, перехватывает волосы плотным кожаным шнуром, чтобы те не лезли в глаза и не мешались. Ее гости наверняка голодны. Похлебка из соленой рыбы будет как нельзя кстати.

Из царства сновидений ее выводит аромат еды. Желудок заходится тревожным урчанием, и Ренэйст, застонав сдавленно, открывает глаза. Все тело ломит от боли и усталости, а изголодавшееся нутро спешит вывернуться наизнанку, отвыкшее от запаха пищи. Если бы она не была так пуста, то уже поспешила бы избавиться от содержимого своего желудка.

Где они оказались? Что это за место?

Это определено не пустыня, да и вместо закатного неба над головой у нее крыша, сложенная из разномастных кирпичей. Некоторое время Ренэйст лежит, рассматривая неровный их узор, капли затвердевшей глины, которой они скреплены между собой, и от занятия этого голова ее начинает болеть лишь сильнее. Утомленная долгим путешествием, Волчица не сразу понимает, что в месте этом странном она далеко не одна. Внимание ее привлекает тихий голос, мурлычащий что-то поблизости. В первые мгновения кажется Ренэйст, словно бы голос этот принадлежит матери, да только поет песни он вовсе не на родном языке. Ладные и плавные слова солнцeroжденных складываются в мелодию, рассказывающую о том, как томится сердце в тоске по дому, и до того она печальна, что на глаза северянки наворачиваются слезы. Слушает она внимательно, не моргая, и голод, как и весь остальной мир, теряется в пелене этой печали.

Слезы скатываются по вискам и теряются в волосах.

Песня прерывается, и вместо нее Ренэйст слышит полный веселья и жизни голос:

– О! Ты очнулась!

Справа от ложа, на котором она лежит, начинается копошение, и Ренэйст устремляет туда косой взгляд. Рыжеволосая женщина, сидящая возле огня, помешивающая длинной деревянной ложкой ароматное варево в котле, поднимается на ноги и направляется в ее сторону. Ренэйст настолько слаба, что не сможет дать отпор, поэтому с вынужденным безразличием наблюдает за каждым ее шагом. Рыжие кудри падают дочери конунга на лицо, стоит женщине склониться над ней, и от них пахнет костром, горькими травами и песком. Она трогает шершавой ладонью лоб Ренэйст, ощупывает веки и шею, после чего, кивнув самой себе, в одно мгновение отскакивает от постели, оказываясь в совершенно другой части дома. Приподнимаясь на локтях, дрожа от усталости, Ренэйст открывает рот, силясь сказать хоть что-то, но из глотки ее доносится лишь жалобный хрип.

– Ничего не говори, – велит ей рыжеволосая женщина, – и без того знаю, что спросить хочешь. Вы в безопасности в моем доме, а Радомира я отправила проветриться. Уж слишком сильно запутался он в собственных мыслях. Что до тебя, – она возвращается к ложу, держа в руках чарку с водой, и все естество воительницы тянется к ней, – то пить ты хочешь сильнее, чем думать.

Крепкая рука придерживает ей голову, в то время как вторая подносит чарку к губам, и Ренэйст пьет с жадностью. Большая часть воды льется мимо ее рта, но сейчас кажется это такой мелочью, не стоящей даже внимания. Ренэйст пьет и пьет, и каждый глоток кажется ей лучшим событием, что только происходило в ее жизни.

– Хватит с тебя. Столько не пить, чтобы потом захлебнуться? Вот уж не знаешь ты меры.

Насмешка эта заставляет Ренэйст усмехнуться, и вода, которую она хотела сглотнуть, от неожиданности течет носом. Дрожащей рукой начинает она стирать ту с лица, в то время как хозяйка дома заходится звонким смехом.

Ренэйст помнит, как точно так же хохотал в детстве Хэльвард, когда ему удавалось рас- смешить Витарра, и у брата их от смеха молоко яка носом шло. Он злился и кричал, кашляя и стирая капли с лица, а Хэвлвард смеялся, смеялся, смеялся... Ренэйст смеялась вместе с ним лишь потому, что один только звук его смеха дарил ей радость. Даже Витарр, хмурый и обиженный от этой насмешки, и сам начинал смеяться, не в силах устоять перед очарованием их старшего брата.

– Ну и позабавила же ты меня, дочь ночи! Зря говорят, что народ ваш хмур и не знает толка в веселье.

– Ты сама, – сирым голосом бормочет Ренэйст, – причина этого веселья.

– Не стану отрицать, что много мне не нужно для веселья. Только вот для тебя уж явно наоборот, дочь Луны.

Они замолкают, и словно бы не было этого разговора, создающего между ними образ давних подруг. Ренэйст наблюдает за каждым ее движением, каждым шагом и, собравшись с силами, решает задать вопрос:

– Кто...

– Я такая? – стоя к ней спиной, перебивает женщина. – Что же, не удивительно, что ты спрашиваешь. Ты ведь спала, когда мы познакомились с Радомиром. Мое имя Мойра, волчонок, и без лишней скромности могу сказать, что вам обоим очень повезло встретить меня на своем пути.

Мойра. Странное имя, и не их, и не солнцорожденных. Ренэйст повторяет его беззвучно, пробует на языке, но решает ничего не говорить. Она вновь медленно опускается на ложе, вжимаясь лопатками в мягкие меха, которыми оно накрыто, и спрашивает тихо:

– И все же, как ты нас нашла?

Мойра не отвечает. Солнцорожденная – а Белолунная уверена, что перед ней женщина из народа Радомира, – продолжает помешивать похлебку, пока наконец не снимает котел с огня, отставляя его в сторону, чтобы варево не выкипело. Одними глазами Ренэйст наблюдает за тем, как та пересекает дом, подходя к выбитому в скале подобию полки, и берет оттуда глубокую тарелку. Молчание продолжается до тех пор, пока Мойра не наполняет тарелку ароматной рыбной похлебкой. Придерживая ее одной рукой, стараясь не обжечься, хозяйка дома подходит к своей гостье, присаживаясь рядом с ней и удобнее перехватывая ложку.

От запаха еды на Ренэйст вновь накатывает тошнота, но она заставляет себя сесть. И, набирая похлебку в ложку, зачерпнув кусок рыбы, Мойра подносит ту к губам Белолунной, отвечая:

– Я просто знала, что что-то будет на этом месте, потому и спустилась с гор.

– Ты вельва.

Усмехнувшись, Мойра сует ей ложку в рот, от чего Ренэйст едва не давится. Закашлявшись, резко отодвигается она назад и начинает жевать, бросив на собеседницу гневный взгляд. Та, глядя на девушку с добродушной улыбкой, лишь помешивает ложкой рыбную похлебку в миске.

– Так вот как вы нас называете. Вельва. Забавно же звучит. А как называют мужчин, владеющих Даром? О! Не отвечай, твой растерянный взгляд говорит мне о многом. Под лунным светом только женщины владеют Даром, ну надо же. Сколь любопытно. Быть может, ваши боги мудрее? Кто по доброй воле даст мужчине такую силу?

Похлебка просто изумительна на вкус. Ощущая, как нарастает ее аппетит, Ренэйст уже не то чтобы размышляет хоть о чем-то. Она с жадностью жует кусок рыбы, и от голода рот полнится слюной. Мойра говорит что-то еще, говорит и говорит, и до Белолунной словно сквозь пелену доносится отголосок ее слов:

– ...в любом итоге все в твоих руках.

– Что?

Солнцерженная вельва смотрит на нее, и в карих глазах ее нет ни отголоска веселья. От напряженного этого молчания кожа Ренэйст покрывается мурашками, но она расправляет плечи, выдерживая мрачный этот взгляд. Мойра словно ищет что-то в самой глубине ее души, смотрит в столь потаенные уголки, что и сама северянка о них не догадывается. Но все заканчивается так же быстро. Лицо Мойры вновь светится счастьем, морщины разглаживаются, и, улыбнувшись, она вновь подносит ложку к губам Ренэйст:

– Я сказала, что тебе нужно есть. Для того чтобы добраться до Севера, тебе нужны силы.

Волчица смотрит на нее с опаской, но голод побеждает любые сомнения. Она позволяет Мойре кормить себя, ведь в ее собственных руках сейчас нет силы даже для того, чтобы ложку держать. Уж вряд ли смогла бы она натянуть тетиву лука, а раньше делала это с такой легкостью.

Об этом думать ей вовсе не хочется. Сейчас она не готова столкнуться с мыслями о том, что никогда и ничто уже не будет так, как прежде.

Все изменилось еще в тот момент, когда в далеком прошлом Витарр ступил на заледевшее озеро.

Желая отвлечься от этих мыслей, Ренэйст, стирая тыльной стороной ладони жир от похлебки со своих губ, чуть улыбается, обращаясь к Мойре:

– Похлебка очень вкусна. Напоминает ту, что мы готовим дома.

Помнится, отец и сам любил готовить похожую похлебку дома. Не столь часто, конечно, ведь у конунга полно дел и без готовки, но для них с братьями в детстве отцовская похлебка была подобна празднику. Было что-то особенное в ее вкусе, что-то, что не повторить так просто, да только Ренэйст уже и не скажет, что именно это было. С тех пор как погиб Хэльвард, отец не готовит больше.

– Конечно, напоминает, – кивает Мойра, ложкой соскребая гущу со стенок миски. – В конце концов, в порту Дениз Кенара меня научили ее готовить именно луннорожденные моряки.

От слов ее Ренэйст вздрагивает, словно от удара. Больше не интересна ей похлебка, да и чувство голода, что сжирало ее изнутри во время путешествия по пустыне, исчезает. Протянув руку, дочь конунга хватается за запястье ведунью цепкими пальцами:

– Откуда здесь луннорожденные?

Их народ слухом не слыхивал ни об Алтын-Куле, ни о Дениз Кенаре. Уж если бы знали, то не плыли бы в такую даль, а держали курс в эти земли для торговли. Даже если они не плодоносны, но ведь кормятся чем-то местные жители. Значит, и для торговли нашлось бы что предложить. Что же за моряки сюда прибывают?

Их разговор прерывает вернувшийся Радомир. Потрепанный, с опухшим от слез красным носом, стоит на пороге, одной рукой придерживая хлипкую дверь, и смотрит хмуро в их сторону. Он взмахивает свободной рукой, и с ладони его под ноги Мойры с громким стуком падает самый обычный камень, плоский и гладкий. Смотрит Мойра на него с тем же удивлением, что и Ренэйст.

– Вот, – шипит Радомир, – я принес твой камень.

Вельва смотрит на него с искренней улыбкой, такой светлой, что та способна затмить собой свет Южной Луны.

– Какой камень, сокол мой? Не припомню, чтобы у меня был какой-то особенный камень.

Лицо Радомира меняется в одно мгновение. Смотрит он на Мойру растерянно, понять не может, а после хмурится гневно, вдохнув. Того гляди, и сам весь загорится от гнева, его сковавшего.

– Как ты...

– Это тебе от голода чудится, соколушка, – перебивает Мойра, в то же мгновение поднеся к губам Ренэйст очередную ложку с похлебкой, – сядь-ка лучше, поешь. Похлебка еще горячая, только-только с огня сняла.

Долгие мгновения прожигает он взглядом рыжую макушку Мойры, после чего смотрит на Ренэйст. Та, пережевывая еду, лишь пожимает плечами едва заметно. Успела понять, что с Мойрой невозможно говорить серьезно, все в шутки да прибаутки переводит. Смирившись, подходит Радомир к котлу, стоящему чуть в стороне от очага, рассматривает его содержимое и, признав достаточно съедобным, отходит к выемке в стене, откуда сама Мойра не так давно взяла глубокую тарелку. Радомир набирает похлебку в миску, подносит к лицу и тянет носом солоноватый рыбный запах, чуть скривившись:

– Ну и варево...

Только вот ест он с аппетитом, словно бы ничего вкуснее и не ел. После того, как долго они голодали, рыбная похлебка уж точно покажется ему настоящим пиром по сравнению с полусырым лошадиным мясом – у них не было ни возможности, ни времени приготовить его толком.

Вскоре Ренэйст ощущает себя так, словно бы места в ее теле от еды не осталось даже для нее самой, и отодвигает от себя руки Мойры, в которых та держит миску, покачав отрицательно головой:

– Не могу больше.

Вельва согласно кивает:

– Неудивительно. Ты и без того хорошо поела.

Мойра встает и отходит куда-то в дальнюю часть дома. Ренэйст наблюдает недолго за тем, как та выбрасывает остатки похлебки в большой горшок, и переводит взгляд на Радомира. Ест он так, словно и не знает, что после долгого отсутствия пищи подобная жадность может закончиться плохо. Но ей, оказывается, сложно отказать ему даже в такой радости, как пища, пусть после будет жалеть он о том, что так много съел. После того острого чувства отчаяния и ощущения надвигающейся смерти, в котором они были едва ли не с середины Золотой Дороги, им обоим нужно немного радости. Ренэйст думает о своих закопанных в песок волосах. Пальцами прикасается луннорожденная к рвано обрезанным прядям и хмурится. Хорошо, что не может увидеть она, насколько все плохо.

Мойра, ищущая что-то в небольших плетеных корзинах, неожиданно обращается к ней:

– А теперь, когда с едой покончено, нужно что-то сделать с твоими волосами. Уж не знаю, что за изверг тебя обкорнал, но сделал он это просто ужасно.

Полный возмущения, Радомир отвлекается от своей тарелки, жуя со злостью и прожигая ведунью взглядом. Ужасно не ужасно, сделал так, как мог!

Отыскав в корзинах нож с тонким лезвием, Мойра возвращается к северянке и, сев позади нее, принимается отрезать осторожно неровно срезанные пряди. Белолунная сидит спокойно, держа спину прямо, чтобы южанке было удобнее приводить ее волосы в порядок.

Она уже почти привыкла к их новой длине. К тому, насколько легче кажется голова.

Ренэйст очень хочется верить в то, что она почти привыкла.

– Нагрею для тебя воды, искупаешься. Несет от вас обоих просто ужасно. Но, – на этих словах вельва сворачивает волосы, которые срезала с ее головы, в кусочек ткани, завязывая их в сверток, – сейчас все уже гораздо лучше. Ты не выглядишь так, словно бы тебя сбросили со скалы, и ты ударила головой о каждый камень.

Сверток Мойра кидает в огонь, и вскоре по дому разносится запах жженных волос. Ренэйст морщит нос, от вони этой у нее начинает болеть голова, и северянка ложится обратно на ложе.

Бросив на постепенно засыпающую посестру внимательный взгляд, Радомир, отставив в сторону опустевшую миску, смотрит на Мойру, которая устраивается по другую сторону очага:

– Я вспомнил, где видел письма такие же, как на твоём посохе.

Вельва ему не отвечает. Дотянувшись до небольшого куска дерева, лежащего подле ног, ножом она начинает счищать с него щепки, отбрасывая те в огонь. Ее волосы по цвету сливаются с языками пламени.

– Я видел их на посохе, что некогда принадлежал отцу. Мать хранила его в доме, берегла до самой своей смерти. Я видел его лишь пару раз, проскальзывая тайком в родительскую спальню, а когда стал единоличным владельцем дома, то так и не смог заставить себя выбросить посох. Так он там и стоит, если от дома моего что-то осталось.

– Твой отец был сильным ведуном, – отвечает Мойра, – и ты будешь сильнее, если прекратишь противиться своему Дару. Что же это за ведун такой, отказывающийся принять самого себя? Злость твоя приведет только к бедам и боли, сам страдать от нее будешь. То, что отца твоего такая судьба постигла, не значит, что, коль и ты ведун, сам с подобным столкнешься. Для каждого из нас свои испытания подготовлены. Ты со своим уже столкнулся.

Только его ли это испытание? Радомир уж вряд ли сейчас ответить сможет. Вновь смотрит он на Ренэйст, рассматривая измученное ее лицо, и устало проводит ладонью по подбородку. За время их пути границы между ними и стерлись-то почти, одна кровь теперь течет в их венах, да только все равно не его это дорога. Он здесь потому, что ей нужен, иначе их бы и не свели вместе.

Он знает это, потому что Дар ему говорит. Не хочет слушать, а все равно приходится.

– Вижу я, что тебя ждет. И ты бы знал, если бы видеть хотел.

– Не нужен мне Дар, чтобы увидеть то, что будет дальше. Оно произойдет, и я о нем узнаю.

От его слов Мойра хохочет коротко, резво проведя ножом по деревяшке в своих руках. Радомиру посмешищем быть неприятно, но он молчит. Ему не хочется продолжать разговор о своем Даре и о том, что давно пора было бы смириться. Многие солнцерженные хотели бы оказаться на его месте, владеть тем тайным знанием, что доступно ведунам. Должен он быть горд и рад, что имеет подобную власть, только не может.

Все думает о матери, полюбившей ведуна и погибшей из-за любви к нему. Ожидает ли подобная судьба Весну, если свяжет она свою жизнь с его жизнью? Быть может, она его уже похоронила. Может, кто другой ей сейчас мил либо оплакивает она его, не зная, что Радомир еще не шагнул за порог Нави. Для всех, с кем плыл он на корабле, ведун мертв, утонул, как и конунгова дочь. Не стоит надеяться на то, что их ждут.

Не желая больше говорить о себе, он вновь обращается к женщине, сидящей по ту сторону пламени:

– Как ты оказалась здесь? Живешь одна в этих горах, так далеко от дома.

Хруст дерева под лезвием ножа прекращается, а после короткой тишины продолжается снова. Силится Радомир рассмотреть лицо Мойры, только та так низко голову опустила, что взгляд ее не увидеть. Словно бы само пламя защищает женщину от пристального взгляда. Только вот ведунья, словно бы собравшись с мыслями, все же смотрит на него, рассматривает пристально и говорит тише, без веселья, столь ей привычного:

– Так же, как и ты, попала я сюда. Не хотелось мне становиться рабыней в северных землях и, как только землю на горизонте заметила, вознамерилась сбежать. Подговаривала тех, кто был со мной, только вот было им слишком боязно перед неизвестностью. Так и томились они на борту корабля, и страх пожирал их, одного за другим. Когда остров практически скрылся из виду, я приняла решение и бросилась за борт. Невероятной удачей течение отнесло меня на берег, и я оказалась здесь.

На лице ее замечает он тень глубокой печали. Мойра смотрит сквозь огонь, но вовсе не на Радомира, а вдаль, пытаясь увидеть то, что ныне незримо. Судя по ееговору, ведун может сделать вывод, что она не из Большеречья или не из подобного ему поселения. Родина ее – белокаменный город, с высокими башнями да алыми стягами. Все это видит Радомир так ярко, словно бы вот оно, на ладони.

Княжей дочкой ей бы быть, а не беглянкой, живущей на склонах гор.

Кряхтя, подобно древней старухе, поднимается Мойра на ноги, воткнув нож в тонкий пласт дерева, оставшийся после того, как почти весь обратила она в щепки. Стоит ей только посмотреть на него, как Радомира окутывает ощущение, словно бы вся усталость мира обрушивается на него. Не удается ему подавить зевок, и разевает ведун рот, едва ли не волком взыв. Усмехается ведунья, обходит пламя и треплет его по спутанным волосам, с которых во все стороны тут же сыплется песок:

– Хотела искупать вас, да только вижу, что спать хочется больше. Иди, ложись рядом, другое ложе предложить я тебе не могу.

Резко рот закрыв, солнцeroжденный поднимает изумленный взгляд на Мойру. Чтобы он да лег на одно ложе с Ренэйст? Они-то спали рядом, только вот на песке, где и выбора другого не было. Ведовской дом, где из постели только брошенные в одну кучу шкуры, ткани да подушки, уж точно должен предложить ему хоть что-то иное!

Мойра продолжает смотреть, и он понимает – не предложит.

– Но...

– Не с ней ли ты запястья резал? – добродушно фыркает она, походя на лисицу. – Кровь свою с ней смешал, и теперь она тебе сестра. Ничего ужасного нет в том, чтобы лечь возле нее. Спать-то с комфортом хочется вам обоим.

Поджимает он губы упрямо, качает головой. Нет уж, не пойдет. Да, Рена ему сестрой приходится по крови после ритуала, который провели они на берегу, перед тем как попасть в плен к жителям Алтын-Куле. Он помнит, как шумела вода подле их ног, как кровь капала на песок, и от каждой капли шум стоял такой, словно бы вот-вот он оглохнет. Или это шумела вода, попавшая ему в уши после кораблекрушения? Или, возможно, ток собственной крови казался ему столь громогласным?

И все же не может он лечь подле нее.

Ренэйст продолжает спать спокойно, набирается сил после утомительного путешествия. Впервые за долгие лиги пути выглядит она умиротворенной. Ничто не тревожит луннорожденную, и спит она, Радомир уверен, без сновидений. Привыкший просыпаться от криков Волчицы, полных боли и отчаяния, рад ведун, что и вовсе ничто ей не снится.

Он думает о снах, и в груди беспокойно ворочается что-то. Может, дело даже не в том, чтобы лечь подле Ренэйст. Предчувствие тревожит его, заставляет беспокоиться. Кажется ему, будто что-то *увидит*, коль ляжет спать. После всех тягот и испытаний только видений ему не хватает.

Только вот Мойра неумолима. Вновь оглаживает она его по волосам с лаской материнской, опускается пред ним, упираясь локтями в колени, и притягивает к себе, прижимаясь лбом ко лбу Радомира. Ведунья закрывает глаза, и Радомир, отметив рыжину ее ресниц, и свои глаза смыкает. Волной тепла сонного марева обдает его, которое Мойра выдыхает ртом своим подобно туману, чьи клубы тянет ведун носом. Он выдыхает через рот, выдох этот обращается зевком, и она шепчет ему едва ли не в рот:

– Знаю. Знаю, пугают тревожные сны, уж мне ли не знать. Только вот ты должен спать, Радомир.

Должен ли? А если должен, то кому? Мысли путаются, дышать тяжело, и поднимается Радомир на ноги. Мойра придерживает его, дрожащего, лишь бы в очаг не упал, и подводит к постели. Ворчит он, вырывается и, споткнувшись об ноги Ренэйст, валится подле нее. Волчица и глаз не открывает даже, лишь ворочается, устраиваясь удобнее и укрываясь едва ли не с головой. У Радомира весь мир кругом идет, он тянет вверх руки, пытаясь ухватиться хотя бы за что-то, и ловит пряди рыжих волос. Цепляется за них, на пальцы накручивает и, с усилием разомкнув веки, стонет сдавленно:

– Мойра...

– Спи, – непреклонно отвечает она, перебивая и не выслушав до конца, – спи, Радомир.

Забрав свои волосы из дрожащей его хватки, Мойра отходит от ложа лишь тогда, когда накрывает ведуна куском овечьей шкуры. Тот, вытянувшись во весь рост, цепляется отчаянно за жесткие кудри, борется изо всех сил, не желая засыпать, но сдается, сломленный усталостью и ее ведовством. Встав на ноги, рассматривает ведунья беспокойное его лицо и улыбается устало.

Совсем еще мальчишка. Вряд ли многим старше, чем она, когда попала сюда. Чувствует она в нем могущественный Дар, что дремлет где-то внутри, только сам Радомир не желает его пробуждать. Представляет ли он, кем мог бы стать, коль смирился бы со своей участью? Ведуны, подобные ему, не каждый век рождаются. У могущественного отца не мог родиться менее могущественный сын. Кто знает, что было бы, если бы отец не покинул Радомира столь рано?

Кто знает, что было бы, если бы столь рано его не покинула мать?

Мойра поднимает взгляд к дыму, что, извиваясь в хитросплетенном танце, тянется к отверстию в крыше, исчезая в закатном небе. Не обманул ее Дар, ох, не обманул. Дети, что спят ныне в ее постели, еще повернут колесо мира в другую сторону.

Отойдя от них, ведунья покидает свое жилище, кинув мимолетный взгляд на щенков, ютящихся в ее мехах, и поднимается выше, к самой верхушке горы. Там, на каменистом уступе, садится Мойра в центр своего ведовского круга, скрещивая ноги и устремляя взгляд вдаль, рассматривая темнеющую, становящуюся к горизонту практически черной, соленую воду. Дышит ровно, ощущает легкость, коей не чувствовала с тех пор, как оторвали ее от отцовского крыла.

Княжья дочь свой долг исполнила. Нить ее крепко вплетена в полотно мира, не вырвать ее, не скрыть. Все тяготы, с которыми столкнулась она, вели Мойру к мигу, когда Золотая Дорога привела к ногам гор ее тех, кого ждала она долгие годы.

Там, на ложе из меха и шкур, спят в ее доме дети богов.

Глава 3. В ожидании бури

В Великом Чертоге столь много людей, что даже птичьему перу не упасть.

Весть о гибели конунга и его наследницы облетела земли луннорожденных столь скоро, что ярлы и их воины начали стягиваться в Чертог Зимы со всех уголков материка. Коль раньше здесь были лишь те, кто прибыл для прохождения испытания и дальнейшего набега, то сейчас едва ли не каждый, имеющий власть, ступил на этот священный порог. Кюна с тревогой вглядывается в их разгневанные лица и не знает, как совладать с бурей. Все они требуют представить им нового правителя из рода Волка, назвать его имя и заставить немедленно присягнуть на верность своему народу.

Если этого не произойдет, говорят они, то тогда должно созвать новый совет ярлов и на нем избрать конунга среди представителей другого рода. Глядя на своего сына, единственное свое дитя, оставшееся в живых, понимает Йорунн: должна она сделать все, чтобы дать Витарру то, что положено ему по праву рождения.

Она была слаба. Безвольна. Позволила почившему ныне мужу измываться над их сыном, сделать его изгоем в собственном доме. Позволила Ганнару взвалить все тяготы на Ренэйст, для которой и вовсе иная судьба была уготована. Что же они за родители, раз позволили сотворить подобное со своими волчатами? Если бы отец Йорунн дожил до этого дня, то ни за что не позволил бы, чтобы с внуками его поступили подобным образом.

Ленне конунг, отец Ганнара, тоже не позволил бы позорить род Волка.

И потому теперь Йорунн должна сделать все, чтобы исправить то, что они натворили. Сколь мил бы ни был ей Хакон, которого желала видеть кюна подле своей дочери, считая его достойнейшим из мужей, власть должна остаться в руках ее сына. Многие ярлы поддерживают Витарра, и во многом это заслуга Ульфа Бурого, вскормившего нелюдимого щенка как своего сына. Йорунн следует благодарить лишь его за то, что ее Витарр до сих пор жив. Ульф научил его всему, чему должен был научить Ганнар. Лишь Ульфа заслуга в том, что Витарр хорош в воинском ремесле, что может назвать себя сыном Одина.

Быть может, в юности допустила она ошибку, отдав свое сердце Ганнару? Ведь и сам Бурый ухаживал за ней, умасливал, предлагая стать ему супругой. Может, куда счастливее была бы с ним Йорунн, и дети ее не познали бы подобного горя.

Ульф так и не нашел себе жены. Его род погибнет вместе с ним. Быть может, и вовсе желал он сделать Витарра своим наследником, представляя, что тот – родной его сын от желанной женщины. Быть может, удача Витарра и кроется в том, что рожден он был ее чревом. Будь он сыном конунга от другой женщины, стал бы Ульф помогать ему с подобным усердием?

Все они погрязли в горе и боли. Все до единого.

От шума, отталкивающегося от стены и оттого становящегося лишь сильнее, ей становится дурно. Даже распахнутые настежь величественные двери не спасают от жара, царящего в Великом Чертоге, и не может Йорунн понять, исходит ли жар этот от пламени, освещающего и согревающего их, или же от гнева, пожирающего людские сердца. Восседая на своем троне, расположенном подле пустующего трона конунга, кюна всматривается в беспокойную толпу, бушующую подобно взволнованному морю.

Йорунн никогда не видела море бушующим. С тех пор как небесные светила замерли, а ветра исчезли, шторма и вьюги покинули их. Все, что им осталось – сказания бардов, сохранившиеся с тех пор, когда морякам приходилось бороться со стихией. Но она уверена, что если бы море могло возмутиться, оно звучало бы точно так же, как звучит Великий Чертог, полный разгневанных мужчин.

Они не желают ее слушать и слышать. Кюна пытается сказать хотя бы слово, но ярлы перебивают друг друга, а их воины ожесточенными криками поддерживают своих вождей. Сердце

ее бьется с силой, вот-вот от волнения проломит грудь. Когда муж ее был жив, Йорунн не участвовала толком в делах Чертога Зимы. Была она молчаливым призраком, печальным и одиноким, отрешенно смотрящим на все происходящее со стороны. Сейчас, пока не выбран новый конунг, кюна должна взять его обязанности на себя. Руки ее дрожат от волнения, дыхание сбивается, и кусает она тревожно и без того искусанные губы. Одна часть присутствующих выкрикивает гневно имя ее сына, другая – Хакона, которому до крайнего набега было уготовано стать для Ренэйст мужем и, соответственно, следующим конунгом. Происходящее вызывает в ней лишь тревогу, желание скрыться, исчезнуть и никогда больше не показываться никому на глаза.

Тяжелая рука сжимает ее плечо. Йорунн вздрагивает и смотрит через плечо. Ульф слегка склоняется к ней, выдыхает тихо:

– Если хотите что-то сказать, моя кюна, то я позабочусь о том, чтобы они услышали.

Только вот она вовсе не хочет ничего говорить. Признаться, даже не знает кюна, что сказать должна, чтобы ее послушали. Каждому ведомо, что не играет особой роли ее слово, что не послушают они ее.

Успокоить и усмирить их может только конунг. Но сейчас у кюны нет права на слабость. Поэтому, согласно кивнув головой, она отвечает:

– Да. Я хочу, чтобы они услышали меня.

Он лишь кивает ей, после чего убирает руку с хрупкого женского плеча. Йорунн поднимает на него взгляд голубых глаз, наблюдая за тем, как Ульф, вскинув вверх обе руки, привлекает к себе внимание собравшихся. Когда этого оказывается недостаточно, воин, вдохнув поглубже, восклицает громогласно:

– ТИШИНА!

Ярлы и их воины затихают, и Йорунн слышит, как трещит пламя, пляшущее на факелах. Не вспомнить ей, когда в последний раз в стенах Великого Чертога было столь тихо. С той поры, как Ганнар принес из набега весть о гибели их дочери, споры и распри не умолкают, грозя пролиться кровью, которая окрасит в алый цвет своды священного этого дома. Если где и быть душам погибших богов, то лишь за столами Великого Чертога. Они и сейчас наблюдают за ними черными провалами глазниц, молчаливые и безучастные.

Лишь владычица Хель пирует в своем царстве, ожидая на своем пороге каждого из них. Теперь, когда нет пути ни в Вальхаллу, ни в Фолькванг, всем погибшим прямая дорога в Хельхейм.

Йорунн устала столь сильно, что все мысли ее лишь о смерти.

Ульф же, дождавшись абсолютной тишины, обращается к братьям своим по оружию:

– Что же галдите вы, словно падалычики, пирующие на поле боя? Ваша кюна желает держать слово, так слушайте ее!

И, обернувшись к Йорунн, воин жестом предлагает ей подойти ближе, склоняясь перед ней в легком поклоне:

– Прошу, моя кюна.

Страх вновь касается холодными пальцами ее сердца, скользнув холодком по хребту вверх, до самых лопаток. Все внутри нее кричит о том, что нужно бежать, спрятаться, стать вновь маленькой девочкой, которая спасалась от кошмаров на коленях отца. В то светлое время казалось ей, что отец сможет защитить от любой напасти. Что нет в мире воина смелее и отважнее, чем он. Думала ли Ренэйст так о собственном отце? Ощущала ли себя в безопасности, будучи подле Ганнара?

Хоть один из их детей был счастлив?

Поднимается Йорунн с трона, складывая руки перед собой, и подходит ближе к Ульфу, встав перед ликом разъяренной толпы. Дай им волю – они ее разорвут. Йорунн расправляет плечи, выпрямляет спину, силясь выглядеть спокойно и царственно. Такой должна быть кюна.

Правительница, которая знает, что она делает, не может показывать свой страх. У нее его попросту быть не может.

Сотни глаз смотрят на нее, выжидают. Дикие звери перед ней, а не люди. Оступится – и разорвут ее на части, без жалости и сожаления.

Так ли себя чувствует правитель? Такие взгляды ощущает на себе конунг?

Дрожащие пальцы стискивают ткань тяжелой темно-синей юбки. Никто ее страха увидеть не должен, но Йорунн знает – они видят. Если не все, то те, от кого она обязана свою слабость скрыть, уж точно все замечают.

– Благодарю, Ульф, – обращается кюна к нему, слегка скосив взгляд, держа голову гордо поднятой.

Бурый кивает в ответ, после чего отходит на шаг, становится за ее плечом. Несмотря на незримое его присутствие и поддержку, Йорунн не ощущает себя в безопасности. Уголки ее плотно сжатых губ слегка дрожат, выдавая волнение.

– Воины Одина, – обращается к собравшимся кюна, обведя толпу пред собой взглядом. – Мне ведомо, сколь все вы разгневаны. Кончина моего мужа и дочери стала для всех нас тяжелым ударом, но мы не можем позволить тяжбам создать раздор меж нами. Все мы едины под светом Луны, на каждого из нас падает ее свет. В наших силах не позволить пролиться крови невинных, потому я призываю каждого усмирить свой гнев. Нам нужен правитель, тот, кто поведет за собой наш народ. И каждому из вас ведомо, что у Ганнара Покорителя есть сын, способный унаследовать его трон.

Одно лишь упоминание о Витарре заставляет непокорных мужей разразиться новой гневной бранью. Одни выкрикивают слова поддержки, желая, чтобы власть осталась в руках рода Волка, другие же проклинаят Братоубийцу, требуя поддержать Хакона.

– Мы не пойдем за Братоубийцей!

– Время Волка прошло!

– Лишь наследник Ленне достоин занять трон!

Те же самые слова слышали они во время прошедших советов ярлов, одни и те же из совета в совет. Никто не хочет уступать, проявлять понимание и уважение. Йорунн не узнает этих людей. В иной ситуации они нашли бы выход, ведь в мире, покрытом льдом, его обитателям необходимо держаться вместе, для того чтобы выжить. Они прикрывали друг другу спины и создавали вместе мир, сотканный из снега и лунного света. Что же теперь? Отчего они так озлобились на собственных братьев?

Словно бы кому-то может быть выгодна война. Кто-то намеренно сглаживает сынов Одина? Если так, то кто? Кому может быть удобен раздор между ними? Кюна оглядывает всех собравшихся, силясь благодаря одному лишь взгляду понять, в чьей власти разжечь пламя ненависти в людских сердцах. И когда она, как ей кажется, практически понимает, за чьей личиной скрывается зло, один из присутствующих ярлов восклицает:

– И где же твой сын, Йорунн кюна? Где это видано, чтобы за воина говорила его мать! Не дело сыну Одина скрываться за женской юбкой! Ни один муж не пойдет за трусом!

Серьезно это обвинение. Легче было бы, если бы сам Витарр говорил от своего имени, только найти его не так-то просто. Привыкший к тому, что на пороге собственного дома не рады ему, он уходит еще до того, как остальные обитатели конунгова дома успевают проснуться, и приходит тогда, когда Йорунн уже спит. Теперь, когда каждому ведомо, чье дитя под сердцем носит Руна, и она все реже попадается кюне на глаза.

Йорунн чувствует кислый вкус огорчения на своем языке. Так и не извинилась она за все те слова и взгляды, что бросала на юную совсем еще девчушку, уверенная в том, что та понесла от нее, Йорунн, законного супруга. До сих пор с трудом поверить может, что вынашивает Руна ее внука, только толку Витарру лгать?

У Руны в чреве наследник рода Волка. Дитя, в чьих венах течет кровь великих правителей. Мальчик, что должен стать великим мужем и занять трон былых королей по праву рождения.

Дрожащие пальцы лишь сильнее стискивают платье, безжалостно комкая тяжелую ткань. Теряется она, не зная, что ответить о том, почему сын ее сам не несет слово свое перед советом ярлов, когда из дальнего угла Великого Чертога доносится до них голос:

– Кто сказал тебе, великий ярл, что прячусь я за материнской юбкой? Уж если не видите вы меня, это не означает, что меня нет среди вас.

Люди расступаются, оборачиваются, переговариваясь шумно. Витарр сидит за одним из столов, сокрытых в тени, и поднимается на ноги. С тех пор как вернулся он из первого в своей жизни набега, кажется юноша матери куда старше своих зим. Плечи его расправлены широко, подбородок вздернут, да только так и таится в тени. И сам не верит он в то, что ныне судьба его сменяется столь резко; не так-то просто соответствовать статусу единственного наследника Ганнара Покорителя, всю жизнь будучи Братоубийцей.

Хоть в гибели Ренэйст его не обвиняют. Быть может, не погибни конунг, и это пало бы на его плечи.

Положив левую руку на эфес меча, не скрывая больше отсутствующих на ней двух пальцев, направляется Витарр к матери, и люди расступаются пред ним подобно волнам морским. Одни хлопают его по плечам, вскидывают кулаки, провозглашая новым конунгом, другие изрыгают проклятья да плюют под ноги, сокрушаясь, что холодные воды озера Вар забрали в свои ледяные объятия Хэльварда, гордость и отраду отца, а не его, темного и нелюдимого.

Столь часто слышал обвинения эти Витарр, что ныне не трогают они его сердце. Все, чего желает он сейчас, так это получить трон, принадлежащий не столь давно его отцу. Да, пусть конунг и не вскормил его сам, не признал своим наследником, только Витарр все знания, необходимые достойному правителю, получил от побратима конунга. Тот дал ему все, что не пожелал дать отец, и теперь Витарр готов занять место, положенное ему по праву.

Ради Руны. Ради Эйнара, что рожден будет сыном конунга, но никак не Братоубийцы.

Встав подле матери, он берет в свои ладони дрожащие ее руки, касается губами кистей, склонив голову, и прижимает тонкие пальцы Йорунн к своему лбу. С нежностью оглаживает мать непокорные его волосы, темные и кудрявые, как у отца, и не сможет припомнить Витарр, как много зим прошло с тех пор, как в последний раз ощущал он материнскую ласку. До мига этого и представить не мог он, сколь сильно желал получить ее.

Выпрямляется Витарр, выпуская руки Йорунн из своих, позволяя той отойти, встать подле Бурого, за его спиной. Колкие, полные ярости взгляды ныне прикованы к нему, и лишь сильнее сжимает Витарр рукоять своего меча. Нет у него права струсить и отступить. С самого начала должен он был занять это место, быть тем, на кого конунг возложит свои надежды. Его сестре это было под силу, и Витарр докажет, что каждый из рода Волка достоин великой этой чести.

– Слышу я все, что вы говорите, и соглашусь – сестра моя, Ренэйст, была горячо любима отцом, гордость его и наследница. При правлении ее наши земли процветали бы. Моя сестра была умна, справедлива и сильна. Отец взвалил на нее ношу, что крошечной совсем девчонке должна была быть не по плечу, но Ренэйст преодолела каждое испытание, что ей преподносили. Однако ее больше нет. Коварное зеркало Вар дало мне жестокий урок много зим назад, – он поднимает вверх беспалую свою руку; обрубки среднего и указательного пальца до сих пор черны, словно сажей измазаны. – Боги, пусть даже и мертвые, забирают лучших из нас. Мне хочется верить в то, что врата Вальхаллы распахнулись пред отважной моей сестрой, но время Ренэйст прошло. Нашим землям нужен новый достойный правитель.

Опустив руку, Витарр обводит взглядом людей, наполняющих Великий Чертог. Яростная речь поразила их, лишила дара речи, и стоит ему воспользоваться этим, пока ярлы не разра-

зились бранью, не желая и слушать его. Коль даже прав он, из ослиного своего упрямства не пожелают они признать его правоту.

Витарру придется постараться, дабы их переубедить.

– Нет в Чертоге Зимы воина искуснее и безжалостнее, чем Хакон. В венах его бежит звериная кровь, и сталь поет в руках его, орошенная кровью врагов. Достойного мужа выбрала для себя моя сестра, и нет никого, кто скорбел бы по ней больше, чем Медведь.

Холодные голубые глаза Хакона смотрят на него с безразличным спокойствием. Он стоит подле Олафа ярла, властителя Звездного Холма, и младшего его сына Ньяла. Знает Витарр, сколь тесна была дружба между ними, да и нет человека, кто этого не знал бы. В тот миг, как и сам Витарр, Ньял словно похоронил сестру, но боль утраты не подкосила его. О нет, лишь яростнее сделала она его, и потому со всей жестокостью, что только есть в нем, желает он видеть на верховном престоле Хакона. Его выбрала Ренэйст, и Ньял уважает выбор погибшей посестры.

Ни одно слово Витарра не изменит этого решения. Звездный Холм пойдет за Хаконем.

Скрестивший руки на груди Ньял прожигает Братоубийцу суровым взглядом зеленых глаз. Положив руку на плечо рослого мужчины, он восклицает:

– Потому именно Хакон должен стать следующим конунгом! Ренэйст отдала ему свое сердце, а вместе с ним Ганнар Покоритель отдал ему Чертог Зимы! Уж если кто и достоин этого, то только он!

Слова его вновь пробуждают бурю. Ярлы стремятся перекричать друг друга, желают быть услышанными и грозят кровавой расправой каждому, кто только посмеет перебить. С осуждением смотрит Витарр на Ньяла, словно бы желающего намеренно стравить северян друг с другом. Если б не знал о тяжком его характере, полном ярости и огня, то решил бы, что так оно и есть. Вот только странным таким способом стремится Ньял доказать свою правоту, считая мнение свое истинно правым.

Кто знает, сколько споры эти продолжались бы, если бы не прервал их тихий голос, полный некой силы, которая не позволила ему остаться незамеченным в гуле разъяренных голосов:

– Из совета в совет ходите вы кругами. Одни и те же слова перекладываете из уст в уста и ни к чему прийти не можете. Вы подобны детям, что не в силах поделить единственную игрушку. Всем она желанна, да так никому и не может принадлежать.

Слабее своего голоса кажется Ове, сын Тове. Единственный из всех присутствующих сидит он за столом, и за плечом его стоит верная мать, придерживая сына за плечи. Белоснежным пятном кажутся Сванна и единственное ее дитя на фоне освещенных пламенем темных фигур. Сам Тове ярл стоит в первых рядах, желая вершить судьбу своего народа, в то время как сын его, лишившийся в набеge левого глаза, поднимается на ноги тяжело, придерживаемый заботливыми руками своей родительницы.

И без того тонкий, хрупкий, словно льдинка, от полученных ран до сих пор не может оправиться Ове. Видит Витарр, с каким сожалением смотрит на наследника Ока Одина Олафсон; подобно ему, Товесон приходился его сестре побратимом, и невольно кровь ее связала их нерушимыми узами. Ньял делает было шаг, но Ове поднимает руку, одним только жестом останавливая его.

– Для чего все эти советы, – продолжает Товесон, опираясь на руку Сванны, – коль не можете вы принять решение? Нет в вас благоразумия, лишь гнев и яд. Вас одурманили злые слова, и сами вы пропитались этой отравой. Как вы не видите, что нет у нас поводов для споров? Не желает Хакон становиться конунгом, ему трон без возлюбленной женщины не нужен. Витарр – сын своего отца, кровь от крови рода Волка. Желает он продолжить дело отца и отца своего отца. Темный наш мир вскоре увидит его сын. Не достаточно ли испытаний выдержал он, для того чтобы получить то, что ему положено?

Ньял опускает взгляд, поджимает губы упрямо. Слова Ове звучат благоразумно. С тех пор, как лишился он левого своего глаза, в народе молва ходит, что юный наследник рода Змея, умный не по годам, – не что иное, как воплощение самого верховного бога Одина. Видят они в Ове Всеотца, что отдал левый свой глаз, для того чтобы ведать обо всем, что происходит в Девяти Мирах. Несмотря на малый свой возраст, слова его имеют вес, и даже горделивый наследник рода Лося готов признать его правоту, когда в уши его, подобно яду, льется сладкий женский голос, отдающий ледяным дыханием самих йотунов:

– Что может знать он о помыслах наших? Как смеет принимать решения за воинов севера? Юнец, что слаб телом, не смеет вершить наши судьбы.

Слова женщины слышит не только он, и проникают они в самое сердце. Отец его, Олаф ярл, тут же вскидывает кулак, разразившись отменной бранью, едва ли не слово в слово повторяя коварный этот шепот, приняв его за собственные мысли. Дернув головой, ощущая, как от голоса этого по телу проходят мурашки, Ньял оборачивается.

Нет в нем удивления, когда подле себя замечает он Искерд ярл. На лице ее играет коварная улыбка; упивается она творящимся кругом раздором, разве что руки не потирает сыто. Гнев кипит в нем, словно в котле, и приходится Олафсону стиснуть кулаки крепко, впиваясь короткими ногтями в ладони. На тех наверняка останутся глубокие отметины, только не волнует это его. Мыслями возвращается он к Хейд, печальной и потерянной, к Хейд, коей собственная мать велела разделить ложе с безутешным мужчиной. Он помнит, какой холодной была кожа Вороны, когда он выловил ее из ледяных вод фьорда. Помнит, каким печальным было лицо ее, когда они, кутаясь в разбросанные по полу шкуры, сидели подле пламени очага.

«Смерть показалаась мне выходом. Единственным, что остался мне доступным».

После пропажи дочери Искерд ярл сказала всем, что отправила Хейд назад, на Три Сестры, желая удостовериться, что на архипелаге не царит раздор. Ей поверили, ведь корабль ярла, окрашенный черным, действительно исчез. Ньял обошел всю пристань, только нигде не увидел алых его парусов. Ему, знающему правду о том, где сейчас находится Ворона, лишь сильнее хотелось узнать, куда же на самом деле Искерд ярл отправила свой корабль.

После всего что Хейд сказала ему, ненависть к некогда солнцорожденной рабыне крепнет в юном его сердце все сильнее день ото дня. И, несмотря на то, что Хейд рассказала ему, перед тем как он велел ей скрыться в родных своих землях, вопреки разговору, что состоялся между ним и Ове, Ньял не может поддержать Витарра. Он никогда не найдет в себе для этого силы.

Почувствовав на себе его взгляд, Искерд ярл сначала косит на него зеленым глазом, а после оборачивается, глядя с презрительным безразличием. И словно бы нет царящего вокруг них шума, нет людей, пронизанных ее ядом. Есть только они, и, о, как бы сильно хотел Ньял вонзить меч свой в самое ее сердце!

Искерд ярл размыкает губы:

– Хочешь сказать что-то, юный Ньял?

Преисполненный гневом, Олафсон готов возненавидеть свое имя лишь оттого, что она назвала его вслух. Кривится Ньял, поджимая губы, и не пытается скрыть ядовитую издевку, задавая коварный свой вопрос:

– Есть ли вести от Хейд? Когда вернется она с Трех Сестер?

Ярл смотрит на него спокойно, но он замечает, как дергается уголок ее рта. Женщина хмурится слегка, кладет ладонь на свое оружие в обманчиво плавном и спокойном жесте. Никто не смотрит на них, никому нет дела до их разговора. Ньял смотрит в зеленые глаза напротив, проклиная их за то, что у любви его они того же цвета. Мыслями невольно возвращается он к Хейд, и сердце его сжимается в муке.

Улыбаясь, Искерд ярл, насквозь видящая тяготы юношеского сердца, стремится ранить его посильнее.

– К тебе-то уж точно она не стремится, Нял, сын Олафа. Хейд презирает тебя, потому не путайся у меня под ногами. Свою дочь за такого, как ты, я уж точно не стала бы отдавать.

Словно от удара вздрагивает он, пошатнувшись. Алым маревом застилает ярость его глаза. Отчетливо видит Нял лицо плачущей Хейд, дрожащей и готовой погибнуть, лишь бы не исполнять мерзкую волю матери. От гнева не удается ему совладать с собой, и пылко произносит Нял:

– Разумеется. Вам лучше знать, чего она хочет.

Щурит она зеленые глаза, смотря на него с подозрением и неодобрением. Дай ей волю, и она выбила бы из Няла правду о том, что знает он о Хейд. Правительнице Трех Сестер неведомо, где ныне ее дочь, и пусть меньший сын Олафа ярла всегда был раздражающе наглым, но сейчас во взгляде его скользит презрение, направленное исключительно на нее. Практически уверена Игерд в том, что именно он виновен в пропаже Хейд, да без доказательств не сможет его обвинить. Звездный Холм – могущественный противник, а Олаф ярл готов отстаивать честь любого из своих сыновей до последней капли крови.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.